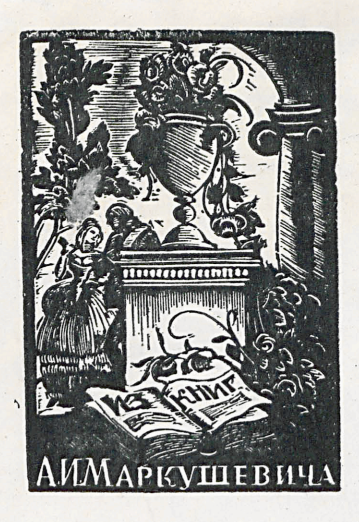

1057

1057

МК $\frac{Н-8°}{83-Г}$

Гарвуд Э.

5-й экз.

+ АК

ГАРВООДА
РАДОСТНЫЯ МЫСЛИ
О
БЛАЖЕНСТВѢ
БЛАГОЧЕСТИВОЙ ЖИЗНИ.

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ

СЪ Нѣмецкаго на Россійской языкЪ

ВЪ Коломенской Семинаріи учителемЪ, ІеромонахомЪ ІеронимомЪ.

ИждивеніемЪ Н. Новикова и Компаніи.

ВЪ МОСКВѢ.
ВЪ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова, 1783 года.

Nam cum animus cognitis perceptisque virtutibus a corporis obsequio indulgentiaque discesserit, voluptatemque, sicut labem aliquam decoris, oppresserit, omnemque mortis dolorisque timorem effugerit, societatemque caritatis coierit cum suis, omnesque natura coniunctos suos duxerit, cultumque Deorum et puram religionem susceperit, et exacuerit illam, vt oculorum, sic ingenii aciem, ad bona eligenda et reiicienda contraria: quid eo dici, aut cogitari potest beatius?

Cicero.

То есть:

Когда духъ, познавъ и изведавъ добродѣтели, престанетъ раболѣпствовать и угождать тѣлу, и роскошь, такъ какъ предосудительную честности, отвергнетъ, и отъ всего страха смерти и печали свободится, и союзомъ любви съ своими соединится и всѣхъ по естеству соединенныхъ почтетъ за своихъ ближнихъ, и почтеніе къ Богамъ съ чистымъ благочестіемъ предпріиметъ, и оную какъ очесъ, такъ и разума проницательность, служащую къ избранію благъ и ко отверженію золъ, приведетъ въ совершенство: то можно ли что другое назвать, или представить его блаженнѣйшимъ?

Цицеронъ.

СТАВРОПИГІАЛЬНАГО ЗАИКОНОСПАСКАГО
УЧИЛИЩНАГО МОНАСТЫРЯ
ВЫСОКОПРЕПОДОБНѢЙШЕМУ ОТЦУ
АРХИМАНДРИТУ,
МОСКОВСКОЙ СЛАВЕНО-ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ
АКАДЕМІИ
ДОСТОПОЧТЕННѢЙШЕМУ ГОСПОДИНУ
ОТЦУ РЕКТОРУ
ПАВЛУ,
искреннему любителю наукъ.

ВЫСОКОПРЕПОДОБНѢЙШІЙ ОТЕЦЪ!

МИЛОСТИВѢЙШІЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬ!

Первый опытъ моего въ переводѣ упражненія кому могу я приличнѣе посвятить, естьли не Вашему Высокопреподобію? Вамъ я наипаче обязаннымъ себя считаю и знаніемъ того языка, съ котораго сіе сочиненіе на природной нашъ языкъ преложить мнѣ заблаго разсудилось, и ободреніемъ къ изданію сего пріятнаго для меня труда въ публику. Въ Вашей Особѣ нахожу я онаго благомыслящаго Гарвоода, издавшаго въ свѣтъ сіи радостныя мысли, ревностно пекущагося о приведеніи юношества на правый путь добродѣтельной и благочестивой жизни. Ваше ученіе, каковымъ стараетесь утвердить въ благочестіи юныя сердца, и достохвальный жизни Вашея примѣръ, служащій къ оному сильнѣйшимъ побужденіемъ, явственно доказываютъ, что Вы, какъ сами вкушаете отъ того сладчайшіе духовнаго веселія потоки, такъ и другихъ сердцамъ оными быть напоеннымъ усердно желаете. Пріимите убо съ обыкновенною Вашею ко мнѣ благосклонностію сей

мой малый трудъ, яко истинный знакъ моей къ Вамъ искреннѣйшей чувствительности, усердія и почитанія. Радостныя сіи мысли да соединятся со внутреннимъ Вашимъ веселіемъ, чувствуемымъ Вами о распространеніи Христіянскаго благочестія, и да послужатъ чрезъ Васъ обществу къ ободренію, утѣшенію и отрадѣ въ прохожденіи великихъ должностей Христіянскихъ; мнѣжъ къ непрерывному наслажденію продолжающеюся Вашею ко мнѣ любовію и милостію, которыя чувствительнымъ сердцемъ принимать всегда обязанъ.

Вашего Высокопреподобія,

Милостивѣйшаго моего Благотворителя,

Нижайшій слуга,
Коломенской Семинаріи
учитель,
Іеромонахъ Іеронимъ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ
къ читателю
отъ трудившагося въ переводѣ.

Перевесть на Россійской языкъ сіе малое, но по своему содержанію великое сочиненіе, тажъ самая побудила меня причина, которую имѣлъ и сочинитель выдать оное въ свѣтъ, какъ видѣть можно изъ его предварительнаго о семъ увѣдомленія, даннаго юношеству своего отечества. Поистиннѣ весьма благоразумно поступилъ сей сочинитель, когда столь привлекающее употребилъ средство для сохраненія цвѣтущей юности въ достодолжномъ благочестіи; ибо таковой возрастъ обыкновенно болѣе плѣняется представленіями предметовъ живѣйшими, побудительнѣйшими и нѣжному его вкусу пріятнѣйшими. Сочиненіе сіе названо *радостными мыслями*; да и по справедливости сего наименованія весьма оно достойно, что собственнымъ своимъ опы-

опытомЪ каждой, думаю, благочестивой читатель дознать можетЪ, естьли только вЪ чтенiи онаго употребитЪ достодолжное свое вниманiе. Могу сказать безпристрастно, что всякой разЪ, когда я чувствовалЪ вЪ себѣ, яко человѣкЪ, подверженной перемѣнѣ, какую либо скуку, ничѣмЪ болѣе противЪ нападенiя оной не вооружался, какЪ только упражненiемЪ вЪ чтенiи сего радостнаго сочиненiя. И сiя самая прiятность, каковою оно преисполнено, второю была причиною, привлекшею меня кЪ переводу онаго. Почему, желая того тебѣ, чего себѣ хощу, и пользуясь тѣмЪ самЪ, чѣмЪ тебѣ возпользоваться желаю, прошу принять сей мой малой трудЪ хотя сЪ такою благосклонностiю и снисхожденiемЪ, каковаго достоинЪ тотЪ, которой сколько нибудь соучаствуетЪ вЪ твоемЪ благополучiи, какЪ временномЪ, такЪ и вѣчномЪ.

ПереводчикЪ.

КЪ

КЪ ЮНОШЕСТВУ
отЪ сочинителя.

Вручаю вамЪ сіе малое сочиненіе такЪ какЪ плодЪ малаго онаго свободнаго времени, каковое могЪ я удѣлить отЪ исправленія дѣлЪ, касающихся до общественнаго моего званія. ВЪ щастливые тѣ часы, вЪ которые былЪ я свободенЪ отЪ опасной своей болѣзни, чрезЪ многіе уже годы меня мучащей, написалЪ я оное сЪ тѣмЪ единственно намѣреніемЪ, чтобЪ оно могло споспѣшествовать истинному вашему благополучію. Естьлижъ по благоволенію Божію отставленЪ я буду отЪ моихЪ должностей, при васЪ отправляемыхЪ, то желаю, чтобЪ сіе мое сочиненіе почитаемо было знакомЪ моей искреннѣйшей кЪ вамЪ любви. Блаженство благочестивой жизни всегда было любезнѣйшимЪ и пріятнѣйшимЪ предметомЪ моихЪ

разсужденій. УтѢшенія, каковыя может подавать благочестіе, всегда служили мнѢ подкрѢпленіемъ и ободреніемъ во всѢхъ тѢхъ искушеніяхъ, печаляхъ и злоключеніяхъ, съ которыми имѢлъ я нужду сражаться. Правое сердце и непорочная совѢсть дѢлаютъ насъ способными совершать путь настоящей жизни съ великимъ спокойствіемъ. Благочестіе есть небесная наука, которая и васъ, также какъ меня, научитъ благополучно жить и спокойно умереть. Благочестіе есть матерь веселія, неизчерпаемый источникъ божественнаго, или совершеннѢйшаго блаженства во всѢхъ случаяхъ и обстоятельствахъ суетной и скоротекущей сей жизни. НѢтъ ни единаго на землѢ благополучнѢйшаго созданія, что говорю я изъ самаго опыта, какъ истинной Христіянинъ. Сообщеніе съ Богомъ, въ которое непорочность сердца и святѢйшія расположенія насъ приводятъ, производитъ такія дражайшія утѢшенія, какія только здѢсь на земли чувствовать

ватъ можно. Поистиннѣ блаженство, послѣдующее за благочестивымъ житіемъ, есть начало на земли небеснаго жительства. Какой человѣкъ имѣетъ столь много права быть довольнымъ и спокойнымъ, какъ тотъ, которой наичувствительнѣйшимъ и дѣйствительнѣйшимъ образомъ увѣренъ о истиннѣ Евангелія, которой въ томъ свою поставляетъ всю должность, чтобъ сообразно жить съ достоинствомъ совершеннаго Христіянина, и живѣйшими предчувствованіями обѣщаннаго ему отъ него безсмертія питаетъ духъ свой? Когда я благочестивую жизнь вамъ одобряю какъ благополучнѣйшій путь, по которому вы можете шествовать, то я тожъ самое дѣлаю, что всѣ благоразумные и честные люди, которые когда только жили, дѣлали: всѣ они единогласно подтверждаютъ, что высочайшее добро и истинное человѣческое блаженство въ таковой состоитъ жизни. Вы оказали себя любителями и почитателями разумнаго исповѣданія

и

и Христіанской свободы; но для Бога и для васъ самихъ прошу я васъ, приложите къ тому большее попеченіе, какъ бы вамъ чрезъ самое ненарушимое храненіе святаго и непорочнаго житія доказать себя такими. Всевышній да направитъ стопы ваша на пріятнѣйшія стези своихъ заповѣдей! да преклонитъ сердца ваша къ таковымъ содружествамъ и союзамъ, которые бы подъ его благословеніемъ могли споспѣшествовать вамъ въ добродѣтели и въ блаженствѣ! да сохранитъ онъ васъ отъ пагубныхъ сѣтей сладострастія, отъ прелестныхъ поводовъ къ запрещеннымъ увеселеніямъ, отъ обмановъ, злыхъ содружествъ и отъ всѣхъ слѣдствій сладострастія и невоздержности! поелику вы надъ многими достойными плача примѣрами то видѣли, что они сію слабую и скоропреходящую жизнь дѣлаютъ позорищемъ неизглаголанныхъ бѣдствій и злоключеній. И такъ, естьли вы ни для десяти тысячей міровъ не желаете быть столь неща-

стли-

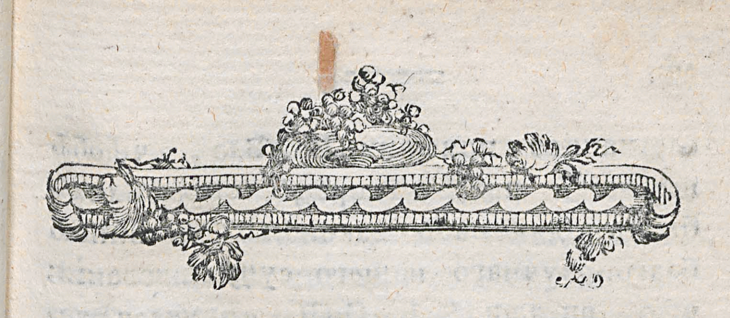
стливыми, сколь нещастливыми себя дѣлаютъ многіе злочестивые люди, какъ вы сами о семъ знаете и сами видали: то должно вамъ убѣгать и таковаго жизни состоянія, въ каковомъ они находились. Не лишайте убо надежды нѣжнѣйшихъ своихъ родителей и вѣрныхъ друзей. Они всего себѣ ожидаютъ отъ вашей трезвенной, воздержной и добродѣтельной жизни. Не низводите убо во гробъ сѣдины своихъ родителей съ печалію, не лишайте ихъ утѣхи въ то время, въ которое они наипаче оной требуютъ. Ласковость и почтеніе, каковыя вы мнѣ всегда оказывали, требуютъ моей благодарности; но съ дозволенія вашего скажу, что высочайшее почтеніе, каковое мнѣ оказать можете, состоитъ въ честной вашей жизни. Мое утѣшеніе, мое благополучіе, такъ какъ душъ вашихъ попечитель, поставляю я въ добродѣтельномъ и любви достойномъ вашемъ поведеніи. Не лишите меня сего удовольствія. Ваше благочестное и непреклонное прохожденіе великихъ должно-

стей

стей дѣйствительнаго Христіянства не только для меня веселіемъ и утѣхою, но и для васъ самихъ въ каждую минуту краткаго въ жизни сей странствованія неизчерпаемымъ источникомъ истиннаго и постояннаго благополучія служить будетъ. Намѣревая васъ побудить къ благочестивому житію, не имѣю я нужды предпринимать другое какое основаніе, какъ только сіе, которое откровеніе всѣмъ намъ предлагаетъ: *благочестіе имѣетъ обѣтованіе сей и будущей жизни.* И такъ по здравомъ разсужденіи положите намѣреніе вступить въ благоразумное сіе предпріятіе, которое вамъ безъ сомнѣнія чистѣйшее, превосходнѣйшее и совершеннѣйшее благополучіе доставитъ, какъ въ скоротекущія минуты сей жизни, такъ и во всю блаженную и безпредѣльную вѣчность. Съ таковымъ искреннѣйшимъ вашего временнаго и вѣчнаго благополучія желаніемъ есмь, и проч.

РАДО-

Радостныя мысли
о
блаженствѣ
благочестивой жизни.

Отдѣленіе I.

Не было никогда произносимо на благочестіе другаго столь злочестиваго и злобственнаго порицанія, какъ сіе, что якобы оно есть дѣло помраченное, скучное и печальное. Отецъ лжи не вымыслилъ и не разсѣялъ повсюду другаго большаго обмана, какъ только сей, что благочестіе не знаетъ веселія, и человѣкъ, принявшій къ себѣ когда либо сего печальнаго гостя, съ самой сей принятія минуты принужденъ проститься на вѣки со всѣми бывающими въ человѣческой жизни увеселеніями. Не-

слы-

слыханное поистиннѣ дѣло, чтобъ всеблагій нашъ Творецъ опредѣлилъ быть для насъ закономъ и виною благополучнаго нашего существованія; что впечатлѣлъ Онъ въ человѣческомъ сердцѣ при самомъ первоначальномъ онаго изображеніи столь глубоко и столь незагладимо, что Его премудрость и благость преисполнила предписаніями, служащими образцомъ и правиломъ нашихъ дѣйствій; чтобъ, говорю, то, что всѣ наши нравственныя и разумныя силы, яко единственный и истинный благополучія источникъ пріемлютъ и одобряютъ, какъ нѣчто такое могло быть представляемо и воображаемо; что по своимъ слѣдствіямъ каковобъ ни было, да и по своей натурѣ было бы любезно и пріятно, однакожъ бы неминуемо могло произвесть свойственное меланхоликамъ уныніе и нѣкоторую жестокую, несносную и съ негодованіемъ соединенную досаду и огорченіе! Неслыханное дѣло, чтобъ человѣкъ какъ самъ могъ повѣрить,

такъ

такъ и другихъ въ тѣжъ привести мысли, якобы благочестіе, которое Богъ опредѣлилъ быть чистѣйшимъ источникомъ чистѣйшаго веселія, состоитъ въ нѣкоторомъ несносномъ самаго себя мученіи, въ жестокомъ и нестерпимомъ изнуреніи тѣла и души, въ нѣкоторомъ пустынномъ отдаленіи отъ міра, въ печальномъ и принужденномъ отреченіи отъ всего того, что только весьма мало споспѣшествуетъ къ ободренію и веселію. Какіяжъ убо сильныя побудительныя причины могли довесть людей до того, что они намѣренія своего благаго Творца такимъ образомъ уничтожаютъ, и самый настоящій конецъ и самую первѣйшую вину своего пребыванія такъ превращаютъ? Какая бы злость адскихъ духовъ, или непріязненныхъ людей, имѣющихъ души, подобною злобою помраченныя, первоначально изліяла сей душепагубный ядъ въ тотъ божественный источникъ, изъ котораго по намѣренію Божію надлежало было про-

 испе-

истекать потокамъ чистѣйшимъ, яснѣйшимъ и спасительнѣйшимъ? Но при всемъ томъ сіе ни мало неудивительно, что люди противятся волѣ Творца своего; что по своей чрезвычайной развратности въ противность поступаютъ милосердымъ судьбамъ Его и определеніямъ, и тѣ вещи, которыя отъ всевышняго и милосерднѣйшаго нашего Творца и Господа уставлены быть неизсыхаемымъ источникомъ радости и веселія, почитаютъ за дѣйствительныя причины смущеннаго унынія и за все то, что можетъ разрушить человѣческое благополучіе. Я не знаю, какое меланхолическое удовольствіе нѣкоторые Богословы находятъ представлять всегда благочестіе въ такомъ видѣ, въ какомъ оное ни Богъ, ни Іисусъ Христосъ, Богочеловѣкъ, ниже самая природа представить не соблаговолили. Они изображаютъ намъ благочестиваго въ бѣдномъ, гнусномъ, раздранномъ уборѣ, въ печальномъ и отчаянномъ видѣ, съ блѣднымъ и страшливымъ лицемъ,

цемъ, съ растрепанными власами, съ очами, изпущающими непрестанно потоки слезъ горчайшихъ, съ грудью, подымающеюся отъ глубокихъ воздыханій и жалостныхъ стенаній; словомъ, въ такомъ образѣ, расположеніи и видѣ, которой удобно можетъ произвесть страхъ и отвращеніе. Я удостовѣренъ, что таковыя изображенія благочестія, такъ какъ и тѣ, которыя суевѣрные столь охотно во всѣхъ временахъ начертывать покушались, въ сердцахъ младыхъ людей и въ главныхъ ученія ихъ положеніяхъ необычайную произвели превратность. Естьлибъ я захотѣлъ какого нибудь молодаго человѣка дѣйствительно отвратить отъ благочестивой жизни, то бы ему то зеркало предложилъ, въ которомъ бы онъ благочестіе въ такомъ видѣ и изображеніи усмотрѣлъ, въ каковомъ оно обыкновенно отъ многихъ изображается. Такимъ образомъ описуемое и представляемое юношеству благочестіе не имѣетъ сообщенія ни съ какимъ ве-

селіемъ, сколькобъ сіе безвинно и простительно ни было; оно всѣмъ препровожденіямъ времени и забавамъ, хотя бы онѣ были безъ вреда и обиды ближняго, налагаетъ строгое запрещеніе; оно со всѣми юношескими увеселеніями никакъ совмѣстно быть не можетъ; оно страшнымъ, угрожающимъ и гнѣвнымъ лицемъ взираетъ на свѣтъ и на всѣ свѣтскія забавы. Какое отсюду происходитъ слѣдствіе? самое вредительнѣйшее и самое пагубнѣйшее, какое только въ разсужденіи безсмертнаго Существа вообразить можно. Таковое благочестія изображеніе въ юныхъ сердцахъ производитъ отъ онаго отвращеніе, отвращеніе самое непреодолимое, такъ что ихъ никакъ къ тому склонить не можно, чтобъ они сего столь несноснаго и столь скучнаго спутника избрали себѣ за вѣрнѣйшаго друга. И такъ ни мало неудивительно, что юношество въ такое время, въ которое сердце всѣмъ сильнымъ и нѣжнымъ чувствіямъ отверсто, въ кото-

то-

торое всѣ стремительныя души движенія и побужденія во всей своей природной силѣ и крѣпости оказываются, и человѣческая жизнь ему представляется, какъ какое либо позорище, столь многими пріятными прелестями преисполненное, столь великолѣпнымъ и знаменитымъ благополучія изобиліемъ украшенное; ни мало неудивительно, что оно въ такое чувствительности время, когда благодѣющій Богъ столь щедрою и обильною рукою низпосылаетъ ему свои благодѣянія, таковаго безобразнаго, печальнаго и непріязненнаго возмутителя, съ негодованіемъ запретившаго ему безвинное увеселеніе сими пріятностьми, и простирающіяся ко онымъ его руки отторгнувшаго, всякое торжество и веселіе уничтожившаго и вдругъ радостное явленіе на страшную мглу премѣнившаго; ни мало, говорю, неудивительно, что оно таковаго несноснаго, негодующаго и злаго возмутителя отъ себя съ презрѣніемъ отсылаетъ и крайнее отвраще-

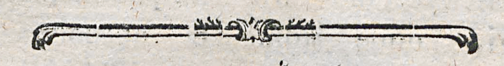
 ніе

ніе къ нему оказываетъ. Тысячи и тьмы тысячей душъ безсмертныхъ отъ того единственно вѣчно осудились и погибли, что онѣ симъ однимъ лживымъ и опаснымъ мнѣніемъ себя питали, якобы благочестіе есть дѣло, исполненное тьмы невѣдѣнія, непримиримый врагъ удовольствія и по своему существу противное юношескому веселію. — Отъ сего-то непосредственно воспослѣдовало то, что оно съ отвращеніемъ отриновенно бываетъ и отлагается до будущей старости, которая къ таковому печальному состоянію удобопреклоннѣе и къ сообщенію съ столь скучнымъ и столь мучительнымъ спутникомъ способнѣе быть можетъ. Какое несносное благочестію причиняютъ досажденіе, когда объономъ съ столь ложнымъ мнѣніемъ разсуждаютъ и посредствомъ обманчивыхъ систематическихъ сочиненій отнимаютъ у онаго божественной особы преимущественное его состояніе, привлекающую его пріятность, красоту и сладость, опи-

сывая оное грубымъ, суровымъ, непросвѣщеннымъ и совсѣмъ безобразнымъ, и такимъ образомъ внимающему оку представляютъ оное во всей оной гнусности и омерзѣніи, каковымъ только съ трудностію снисканное искусство въ хитросплетенномъ знаніи оное можетъ обезобразить! Какое ложное представленіе! какая укоризна благочестію, когда учатъ людей столь пагубныя имѣть объ ономъ мнѣнія, якобы оно есть дѣло несродное, дѣло, съ законами ихъ бытія несогласное, похищающее у нихъ истинное увеселеніе въ жизни, причиняющее насиліе всему естественному расположенію, всѣмъ склонностямъ и стремленіямъ человѣческаго сердца! Благочестіе есть единая мать чистѣйшей, разумнѣйшей, святѣйшей и восхищающей сердца радости. Оно есть великій, первоначальный и основательный законъ нашей природы, конецъ и мета нашего существованія, единственное, превосходнѣйшее и безопаснѣйшее блаженство смерт-

 ныхъ.

ныхъ. Благочестіе соединяетъ насъ съ Богомъ, совокупляетъ съ блаженными Ангелами и святѣйшими духами въ царствѣ безсмертія, и составляетъ истинное достоинство и существенную славу нашей природы.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Поелику я теперь вознамѣрился представить благочестіе любви достойнымъ и къ себѣ привлекающимъ, и показать, какъ оно насъ ведетъ путемъ пріятнѣйшимъ и увеселительнѣйшимъ, по какому только могутъ шествовать стопы наши: то съ позволенія читателей скажу, что благочестіе съ человѣческою душею и со всѣми нашими разумными и нравственными силами сродство и союзъ имѣетъ. Самое малѣйшее разсужденіе убѣдитъ насъ, что мы не могли создать самихъ себя, такъ какъ не можно великолѣпному какому зданію создаться по случаю, или какъ солн-

цу,

цу, лунѣ и звѣздамъ не можно было слѣпымъ рокомъ утвержденнымъ быть въ кругахъ своихъ, или какъ стройной и прекрасной громадѣ міра сего чрезъ случайное смѣшеніе малѣйшихъ пылинокъ быть сооруженной. Не можемъ мы помыслить о сотвореніи нашемъ, о удивительномъ составѣ нашего тѣла, о удивительнѣйшемъ устроеніи и расположеніи безсмертной души нашей, чтобъ въ тожъ самое время какъ бы насильно не впечатлѣлось въ насъ понятія о первой высочайшей винѣ, объ общемъ Отцѣ свѣта и о самомъ нашемъ размышленіи. Когда мы съ прилѣжаніемъ ни разсуждаемъ о учрежденіи нашего естества, то естественно обращаемъ свое разсужденіе къ Богу, отъ котораго наше бытіе и все блаженство нашего пребыванія необходимо и первоначально происходитъ. Авва, Отче, есть естественное вызываніе человѣческаго сердца, естественное моленіе и собесѣдованіе, съ каковымъ разумное твореніе къ премудрому и

 все-

всеблагому Творцу своему приступаетъ. Все, что внутрь и внѣ насъ находится, представляетъ предъ очи наши наше къ Нему отношеніе. Не что другое, какъ только безпрерывная и непрестающая Божества сила хранитъ душевныя наши силы въ порядочныхъ ихъ дѣйствіяхъ и разума нашего способности во всегдашней ихъ дѣйствительности. Въ Богѣ мы живемъ, движемся и есьмы, какъ въ разсужденіи естественнаго, такъ и нравственнаго нашего существованія. Его промыслъ содержитъ тѣ силы въ равнообразномъ дѣйствіи, которыя Онъ первоначально даровалъ намъ; Его благотворительное могущество сохраняетъ для насъ безпрерывныя выгоды нашего разума, нашего понятія и нашихъ склонностей, и между всѣми естественными и нравственными удовлетвореніями нѣтъ ни единаго таковаго, которымъ бы мы высочайшей Его благодати не были обязаны. Всѣ потоки цѣлаго нашего благополучія отъ Него, яко перваго

ваго источника, происпекаютъ (*). Всѣ наши особенныя, домашнія и общественныя утѣхи, все наше преуспѣяніе

(*) Слѣдующее Боэція мѣсто весьма славно и исполнено истиннаго благоговѣнія:

O, qui perpetua mundum ratione gubernas,
Terrarum coelique Sator, qui tempus ab aevo
Ire iubes, ſtabilisque manens das cuncta moveri!
Da Pater auguſtam menti conſcendere ſedem,
Da fontem luſtrare boni, da luce reperta
In Te conſpicuos animae defigere viſus;
Disiice terrenae nebulas et pondera molis,
Atque Tuo ſplendore mica. Tu namque ſerenum,
Tu requies tranquilla piis, Te cernere finis,
Principium, vector, dux, ſemita terminus idem.

Boeth. lib. III.

То есть:

Вселенныя Творецъ, что пвари оживляешь
И оными всегда премудро управляешь,
Который всѣмъ велишь съ начала течь вѣкамъ,
Движенье всѣмъ даешь, но неподвижимъ самъ!
Подаждь Отецъ уму дражайше утѣшенье,
Чтобъ славы Твоея познать онъ могъ селенье,
Подаждь, чтобъ онъ Твоихъ источникъ зрѣлъ добротъ,
Дабы, узрѣвши блескъ божественныхъ красотъ,
Всегда Тебя имѣлъ пріятнѣйшимъ предметомъ;
Разторгни шлѣнья мглу, блесни своимъ Ты свѣтомъ.

Ты

яніе въ знаніи и святынѢ по справедливости тому долженствуемъ мы приписывать съ благодарнымъ духомъ, тому, которой насъ одарилъ способностію, какъ оныя чувствовать, такъ и до сей достигать. Какимъ благоразумнымъ служеніемъ представляется намъ благочестіе, когда мы на оное съ сей стороны взираемъ! Сколь сродно намъ выраженіе нашей чувствительности за столь неизмѢримыя обязанія! Сколь нужно и свойственно возблагодареніе высочайшему и пресовершеннѢйшему Существу, одарившему насъ таковыми способностьми, удостоившему наслаждаться столь высокими пріятностьми, украсившему естество наше толикимъ изобиліемъ изящныхъ чувствованій, вдохнувшаго въ насъ духъ, столь превосходной и возвышенной, и щедрою рукою раз-

---

Ты свѢтлость праведнымъ, покой и тишина,
Начальникъ, вождь, стезя, первѢйшая вина,
Тебя всегда имѢть достойно предъ очами
Есть общій всѢхъ предметъ, да въ вѢкъ пребудешь
(съ нами!

разсѣявшему вокругъ насъ въ столь избыточествующемъ изобиліи многоразличные виды благополучія! Сколь безконечно обязаны мы милостивѣйшему Творцу своему, что Онъ насъ таковыми снабдилъ чувствованіями, что столь многоразличныя вліялъ въ насъ разума преимущественныя дарованія и учинилъ насъ способными употреблять въ свою пользу таковыя благородныя, прекрасныя и превосходныя выгоды, каковыя отъ нашего объ Немъ разсужденія, отъ благоговѣйнаго и чувствительнаго признанія нашей отъ столь благагo Существа зависимости, отъ разсматриванія удивительнаго порядка, премудрости и благости, во всѣхъ цѣлой природы частяхъ очамъ нашимъ представляемыхъ, происходятъ! Безпрерывное приведеніе въ совершенство таковыхъ столь высокихъ способностей и знаменитыхъ расположеній есть наиприятнѣйшее упражненіе: оно есть такое оныхъ употребленіе, которому научаетъ насъ благотворительная природа,

рода, къ которому побуждаетъ насъ наше сердце, какъ къ долгу зависящихъ существъ, и которое всѣ наши силы и способности съ одобреніемъ пріемлютъ, какъ единственно справедливое возблагодареніе за столь неизмѣримыя благодѣянія.

Существо, одарившее человѣческое сердце таковымъ знаменитымъ множествомъ сопровождающихъ его разумныхъ способностей, чувствованій и склонностей, даровало имъ въ тожъ самое время опредѣленное расположеніе. Но къ чемужъ естественнымъ образомъ стремится сихъ нравственныхъ способностей расположеніе? Ни къ чему другому, какъ только къ Богу. Въ Немъ, своемъ началѣ, всѣ онѣ, какъ въ своемъ средоточіи, вмѣстѣ сходятся; Его признаваютъ онѣ въ изъявленіи всѣхъ своихъ благородныхъ стремленій за своего Отца, къ Нему склоняютъ онѣ разсужденія духа, къ Нему стремятся, въ Немъ, какъ въ единственномъ предметѣ, нахо-

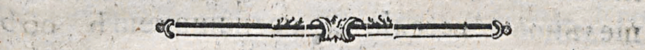
ходятЪ онѢ свое спокойствіе, которой по безконечному величеству своей благости ихЪ далеко простирающіяся и предѢла не имѢющія желанія удовольствовать можетЪ. Сердце и всѢ онаго силы доказываютЪ, что служеніе Ему есть совершенная свобода и благополучіе. ОнѢ чувствуютЪ соразмѢрное своему естеству и равнообразное успокоеніе вЪ пріятномЪ кЪ Нему наклоненіи благоговѢйныхЪ и чувствительныхЪ своихЪ склонностей, чувствуютЪ святѢйшее и чистѢйшее восхищеніе вЪ благочестивомЪ и добродѢтельномЪ совершеніи такихЪ впечатлѢній и способностей, которыя Ему пріятны, и ощущаютЪ изящнѢйшее увеселеніе, какое только вЪ свѢтѢ ощущать можно отЪ сообщенія и соединенія сЪ великимЪ ОтцемЪ ихЪ душЪ безсмертныхЪ. Благочестіе не что иное есть, какЪ только уподобленіе Богу вЪ Его непорочности, святости и нравственномЪ совершенствѢ. Посильное домогательство и святѢйшая ревность, чтобЪ Богу, которому

мы служимъ, уподобиться въ нашихъ расположеніяхъ и склонностяхъ, составляетъ истинную существенность благочестія. И коль пріятное, коль вожделѣнное есть упражненіе подражать Богу и въ сходственность съ Нимъ употреблять способности и склонности, дарованныя намъ отъ Него при раздаяніи блаженства, и тѣ начала, кои суть основаніемъ непремѣняемаго и совершеннѣйшаго Его блаженства, полагать основаніемъ при созиданіи всего нашего щастія! Сколь свойственно человѣческое сердце влечетъ насъ къ таковымъ истиннамъ и къ дѣйствительнымъ главнымъ правиламъ, каковыми суть сіи, и какое несравненное проистекаетъ щастіе отъ произведенія оныхъ въ дѣйствіе! Они сами для себя довольною бываютъ наградою въ самомъ еще ихъ употребленіи. Сохраняя въ себѣ таковыя склонности, исполняемъ мы намѣреніе природы и самаго Творца оныя, и свидѣтельство правой и спокойной нашей совѣсти увѣряетъ насъ, что

что мы оное исполнили. Разумъ нашъ сіе подтверждаетъ, что благочестіе есть великій законъ нашего Творца, и высочайшее блаженство нашея природы. Онъ представляетъ намъ таковое служеніе, такъ какъ весьма намъ свойственное и весьма основательное, и какъ нѣчто такое, къ чему мы по своей зависимости существеннымъ образомъ обязуемся, яко къ справедливому воздаянію благодарности, яко къ необходимому долгу немощныхъ и бѣдныхъ тварей за многоразличные дары, каковыми ихъ ощастливилъ пресовершенный и самъ собою предовольный ихъ Благодѣтель. Наше хотѣніе, разумѣніе, нравственное чувствіе и разсужденіе согласно опредѣляютъ благочестіе быть нашею должностію и такимъ дѣйствіемъ, которое единственно происходитъ отъ нравственнаго соединенія и согласія силъ разума; они согласно избираютъ, представляютъ и одобряютъ оное для насъ источникомъ существеннѣйшаго и постояннѣйшаго щастія, и совершенствомъ

ствомъ истиннаго достоинства и чести разумной и безсмертной нашей природы. Наша совѣсть чрезъ свободный судъ свой подтверждаетъ и доказываетъ внутреннее достоинство и врожденное превосходство благочестія, поелику она каждое самопроизвольное законовъ его преступленіе наижесточайшимъ и чувствительнѣйшимъ образомъ изобличаетъ, и каждое повиновеніе великимъ его предписаніямъ одобряетъ и похваляетъ. И такъ мы видимъ, что всѣ наши разумныя и нравственныя силы согласно подтверждаютъ несравненное любви достоинство и важность благочестія, представляя намъ его благороднѣйшимъ предпріятіемъ, существеннѣйшимъ и слѣдовательно самымъ изящнѣйшимъ употребленіемъ душевныхъ способностей, главнымъ и первоначальнымъ нашимъ закономъ, впечатлѣннымъ въ насъ при нашемъ твореніи, превосходнѣйшимъ и первѣйшимъ концемъ и намѣреніемъ нашего Творца, совершеннымъ блаженствомъ

нашего естества, изящнѣйшимъ нравственнымъ начертаніемъ великаго Божественнаго образа, великолѣпнѣйшимъ подражаніемъ божества, великимъ первымъ правиломъ, и первымъ примѣромъ всякой нравственной красоты и совершенства.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Благочестіе есть любезнѣйшее и пріятнѣйшее упражненіе, доставляющее намъ радостныя чувствованія любви, благодарности и дерзновенія къ Богу. Въ разумномъ существѣ, то есть въ человѣкѣ, непремѣнно должны происходить наипріятнѣйшія и прелестнѣйшія воображенія, когда онъ съ безпрерывнымъ вниманіемъ разсуждаетъ объ ономъ премилосердомъ Творцѣ, объ ономъ всемогущемъ Правителѣ, держащемъ въ своей десницѣ скипетръ всѣхъ щедротѣ, объ ономъ Отцѣ, которой о всѣхъ своихъ единомысленныхъ дѣтяхъ, находящихся на небеси и на

 зем-

земли, печется съ нѣжнѣйшею и горячайшею любовію, которой, управляя созданными отъ себя твореніями, споспѣшествуетъ имъ въ ихъ благѣ, и часто чрезъ неизслѣдимыя средства и пути ведетъ ихъ къ своему блаженству. Какое живѣйшее и чувствительное веселіе долженствуетъ объять сердца наши, когда помыслимъ, что мы въ Богѣ имѣемъ непреоборимую силу, которая насъ защищаетъ, безконечную премудрость, которая насъ просвѣщаетъ и направляетъ стопы наша, вѣчную правду, которая намъ желаетъ всякаго блага, безпредѣльную милость, которая объ насъ соболѣзнуетъ, безконечную благость, которая всѣ наши возвращающіяся нужды исполняетъ! Какія внутреннія успокоенія, какія чистѣйшія и восхищающія духъ утѣшенія происходятъ отъ таковыхъ разсужденій! Коль пріятно должно быть благодареніе, когда оно предъ таковымъ Благодѣтелемъ засвидѣтельствуемо бываетъ! Съ какимъ искреннимъ усердіемъ,

діемъ, съ какимъ благороднымъ жаромъ, платимъ мы столь благому Существу долгъ нашихъ обязанностей! Не совершеннѣйшее ли составляетъ сіе для насъ удовольствіе, когда мы признаемъ свою отъ таковаго Существа зависимость, когда помышляемъ и изчисляемъ свои въ разсужденіи Его должности, когда свое сердце горячайшимъ и пламенѣющимъ наполняемъ чувствіемъ къ тѣмъ безчисленнымъ благодѣяніямъ, каковыя мы отъ всещедрой Его десницы получили! Сколь радостно и сколь восхитительно пламенѣть любовію къ таковому Отцу, къ таковому Благотворителю! Сколь безконечно благопріятнымъ представляется намъ сіе Существо, когда мы съ сей стороны простирающейся на всѣхъ Его благости объ Ономъ разсуждаемъ! Сколь сильно таковыя безконечныя совершенства, соединяемыя въ Божествѣ, возбуждаютъ наше къ Нему почтеніе, производятъ удивленіе и воспламеняютъ въ насъ къ Нему любовь! Сколь безконечной любви до-

стойно и сколь плѣняюще есть Существо таковое! Все, что внутрь и внѣ насъ ни находится, все, говорю, сіе въ томъ согласно и къ тому единственно клонится, чтобъ сердца наши высочайщею къ Нему исполнить любовію. Одно сіе краткое Іоанново произнощеніе, *Богъ есть любы*, не заключаетъ ли въ себѣ прекраснѣйшихъ представленій великое множество? Какое сладчайшее воображеніе состоять подъ покровительствомъ Божіей безконечной любви и безконечной благости! Какой миръ, и какое веселіе, и какое несказанное утѣшеніе изливается въ душу, когда кто въ сихъ упражняется важныхъ истинахъ, сокрываетъ ихъ въ своей внутренности, проходитъ ихъ въ своихъ мысляхъ и оставляетъ имъ мѣсто въ своемъ сердцѣ, дабы всегда съ благоговѣйнымъ духомъ могъ разсуждать объ оныхъ: „Богъ обо мнѣ „печется; всѣ мои временныя и вѣч„ныя попеченія безопасны суть въ „рукахъ моего вѣрнаго Творца. Я со„став-

„ставляю предметъ оправдающей его
„любви Естьли только я добродѣте-
„ленъ, то Онъ меня не оставитъ;
„всего могу я надѣяться отъ столь
„нѣжнѣйшаго щедраго Отца и Благо-
„творителя. Онъ на всѣ мои поступки
„призираетъ, и имѣетъ всегда склон-
„ность соболѣзновать о моихъ сла-
„быстяхъ, и мои заблужденія и не-
„достатки разсматривать милости-
„во. Ничто не можетъ нарушить
„моего покоя, ничто не можетъ
„примѣшать яду въ потоки моего
„благополучія, ничто не можетъ учи-
„нить тщетными временныя и вѣч-
„ныя мои предпріятія, пока тако-
„вая благость бдитъ надо мною, и
„со всякимъ попеченіемъ, свойствен-
„нымъ отеческой нѣжной любви, про-
„мышляетъ и старается о моей судь-
„бѣ, какъ для настоящей, такъ и
„для будущей моей жизни."

Какое утѣшеніе подаютъ сіи раз-
сужденія! Какое спокойствіе духа они
намъ доставляютъ! Въ какую слад-

 чай-

чайшую свѣтлость и тишину прелагаютъ они всѣ душевныя силы! Наиприятнѣйшее духъ нашъ ощущаетъ блаженство, когда таковымъ разсужденіямъ предается, когда о безконечныхъ своего благодѣющаго Бога щедротахъ помышляетъ, и во всемъ находитъ себя зависящимъ отъ Сего столь премудраго и милосердаго Отца своего. Самой язычникъ, при разсужденіи своихъ къ Божеству обязательствъ и при разсматриваніи тѣхъ великихъ благодѣяній, каковыми попечительный Онаго промыслъ сей свѣтъ ощастливилъ, не могъ удержаться, чтобъ не произнесть слѣдующихъ побудительнѣйшихъ и чувствительнѣйшихъ словесъ: „Какія сло„ва могутъ быть довольны просла„вить достойно великаго Творца и „возвѣстить хвалу Его? Поелику мы „одарены силами и способностьми раз„ума, то чтобъ приличнѣе намъ бы„ло дѣлать, какъ только и всенарод„но и особенно прославлять Боже„ство, воспѣвать хвалу Его и воз-

„вѣ-

„вѣщать благодѣянія Его? Когда упра-
„жняемся во обдѣлываніи земли, ко-
„гда наслаждаемся различными благи-
„ми при столѣ богато и довольно
„убранномъ, не должны ли мы съ
„благоговѣйнымъ духомъ превозно-
„сить щедраго Творца своего таковы-
„ми хвалебными пѣсньми: Велій есть
„Богъ, ибо Онъ научилъ насъ воздѣ-
„лывать землю, дабы распростра-
„нить вокругъ насъ плодородіе и изо-
„биліе. Велій есть Богъ, ибо Онъ
„соорyжилъ удивительный составъ
„нашего тѣла, Онъ даровалъ намъ
„руки, снабдилъ насъ силою разже-
„вывать пищу и пропускать оную
„во внутренность, даровалъ способ-
„ность оной вариться, и мало по ма-
„лу непримѣтно возрастать. Онъ
„даровалъ намъ и во время сна сво-
„бодное дыханіе. Каждая изъ сихъ
„милостей долженствуетъ произвесть
„въ насъ чувствительность и побу-
„дить насъ къ тому, чтобъ мы ра-
„достныя въ похвалу Его провозгла-
„шали пѣсни; ибо Онъ даровалъ намъ

 „и

„и способность къ достиженію до
„познанія сихъ вожделѣнныхъ ис-
„тиннъ, и къ надлежащему оныхъ
„употребленіо. Хотя бы превеликія
„толпы людей противъ сихъ столь
„естественныхъ разсужденій были слѣ-
„пы, однакожъ дознавающій и чув-
„ствующій ихъ важность не долженъ
„ли вознаградить сей всеобщій недо-
„статокъ воспѣваніемъ и хваленіемъ
„Творца своего? Что другое могу те-
„перь я дѣлать, придаетъ къ сему
„философъ, я, достигнувшій до ста-
„рости, и въ жилахъ своихъ чув-
„ствующій слабость, кромѣ хваленія
„моего Бога? Естьли бы я произве-
„денъ былъ глупою и безсловесною
„тварію, то мнѣ бы и поступать
„такъ предосудительно не было; но
„какъ я разумнымъ и словеснымъ Су-
„ществомъ созданъ, то это моя есть
„должность, чтобъ хваленіемъ пре-
„возносить Бога. Сіе есть существен-
„ное мое упражненіе, въ семъ я и
„упражняюсь; и пока я жить бу-
„ду, не хочу оставить сего зва-
„нія."

„нія (*).„ И на другомъ мѣстѣ сей превосходный мужъ, преисполненъ будучи непорочнымъ движеніемъ духа и благоговѣйнымъ восхищеніемъ, такъ взываетъ: „Что до будущаго касает-„ся моего жребія, о Боже! то упо-„требляй меня, къ чему только „благоволишь. Съ радостію предаю я „себя въ Твою волю, и ожидаю спо-„койно будущей моей опредѣленной „Тобою судьбы. Ничего я того не „отвергаю, что безконечному Твоему „разуму представляется изящнѣй-„шимъ. Веди меня, куда Ты хо-„щешь. Облеки меня, какъ Тебѣ благо-„угодно. Естьли хощеши, чтобъ я „въ состояніи какого либо достоин-„ства, или подлости препровождалъ „жизнь свою, чтобъ жилъ въ сво-„емъ отечествѣ, или посланъ былъ „въ заточеніе, чтобъ я наслаждался „всякимъ изобиліемъ, или претерпѣ-„валъ недостатокъ: то во всѣхъ сихъ „состояніяхъ готовъ я предъ цѣлымъ „свѣтомъ оправдать судьбы Твоя.„

Ка-

(*) Арріанъ Эпиктетъ.

Какое удовольствіе, какое высокое, превосходное и восхищающее удовольствіе не можнобъ было чувствовать человѣку, предающему себя таковымъ разсужденіямъ! Какое пріятное спокойствіе состоитъ въ изъявленіи таковыхъ склонностей, таковыхъ расположеній предъ Всевышнимъ! Нѣсть здѣсь никакой задумчивости, никакой меланхоліи и никакого унынія; нѣтъ ничего, но одно только божественное восхищеніе, торжество и веселіе. И ктожъ столь справедливыя имѣетъ причины таковой радости, естьли не тотъ, которой о себѣ вѣдаетъ, что онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ Божіею безмѣрностію, всемъ преисполненъ изобиліемъ божественнымъ, и вседѣйствующею силою божества подкрѣпленъ, воодушевленъ и отвсюду окруженъ безконечнымъ милосердіемъ, благостію и любовію? Кто имѣетъ столь довольно основательныхъ причинъ веселиться и торжествовать, естьли не Христіянинъ, которой безпредѣльную благость и

чело-

человѣколюбіе Божіе съ таковою небесною свѣтлостію откровеннымъ видитъ во особѣ Іисуса Христа? Какой предметъ святѣйшей радости и восхищенія представляетъ Евангеліе предъ очи наши! *Видите, какову любовь далъ есть Отецъ намъ, да чада Божія наречемся и будемъ* (*). *Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, возлюбивый насъ и давый утѣшеніе вѣчно.* (**) Въ какой любезнѣйшій и восхитительнѣйшій свѣтъ не можетъ насъ привести исторія посланія и дѣлъ нашего Спасителя, и всей Евангельской благодати, которою Онъ оживилъ міръ? Безпримѣрна есть благость и неизглаголанна любовь Божія. Здѣсь всѣ святѣйшія чувствованія и движенія человѣческаго сердца неминуемо должны открыться. Ни мало неудивительно, что Христіяне столь часто увѣщаваемы бываютъ радоваться о Господѣ и всегда веселиться; ибо тако-

(*) 1. Іоанна 3. ст. 1. (**) 2. Сол. 2. ст. 16.

ковые предметы, каковые суть здѣсь предлежащіе, необходимо должны объять всякую склонность и воспламенить всѣ нѣжнѣйшія движенія и благородныя чувствованія сердца. Когда кто разсматриваетъ, какимъ образомъ Богъ во Христѣ примирилъ съ собою міръ; когда кто разсуждаетъ о безконечной премудрости и благости Божіей, какъ онѣ содѣйствовали въ изобрѣтеніи и учрежденіи способа, каковымъ искупленъ родъ человѣческій: то сколь много трогается сердце отъ таковаго разсматриванія? Сколь сильно пронзается душа и какою исполняется благодарностію, любовію и хваленіемъ? Страхъ, смущеніе, отчаяніе и всякая подлая, рабская и неблагопристойная страсть далеко отступаютъ и изчезаютъ навсегда, когда сердце даетъ волю дѣйствовать надъ собою всей силѣ таковыхъ знаменитыхъ истиннъ, и попускаетъ въ себѣ являться пріятнымъ чувствіямъ, сыновней любви, искренней благодарности и благоговѣйнаго

наго восхищенія. Страхъ, ужасъ и рабской духъ могутъ только обладать сердцами непросвѣщенныхъ язычниковъ, когда они приближаются ко святилищамъ, или лучше сказать, къ капищамъ безчеловѣчныхъ и непримиримыхъ боговъ своихъ. Но изъ сердца Христіянина, находящагося въ святѣйшемъ присутствіи Бога и Отца, Господа нашего Іисуса Христа, таковыя рабскія страсти навсегда должны быть изгнаны. Онъ имѣетъ право съ свободнымъ дерзновеніемъ и упованіемъ, съ благодарнымъ восторгомъ и со всею оною благородною горячностію расположенія, каковую сыновняя любовь произвести можетъ, приступать къ престолу Божіей благодати. Сколь пріятное и увеселительное есть упражненіе, состоящее въ моленіи столь благаго Существа, каковое есть Богъ Христіяновъ, имѣть всегда обращеніе съ Творцемъ нашимъ, произносить предъ Нимъ словеса благодарнаго сердца, свидѣтельствовать предъ Нимъ глубочайшую чувствительность,

ка-

каковую мы вѣ разсужденіи высочайшей Его благости и собственнаго нашего блаженства имѣемѣ, увѣрены будучи о Его божественной защитѣ и покровительствѣ надѣ нами и надѣ присными нашими; все таковое законнаго обязательства исполненіе коликимѣ преисполнено удовольствіемѣ? Сколь пріятны сутѣ таковыя благочестивыя и благоговѣйныя упражненія? Коль убо многаго веселія лишаются тѣ, которые не знаютѣ молитвы? Какая неизглаголанная радость отѣ тѣхѣ скрыта, которые божественныхѣ утѣшеній, происходящихѣ отѣ сообщенія сѣ Богомѣ, еще не вкусили?

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

Совершенное преданіе волѣ Божіей ни мало не составляетѣ печальнаго дѣйствія; но оно по большой еще части сѣ величайшимѣ соединено удовольствіемѣ. Поистиннѣ во время зло-

страданія и печали наивеличайшее можемъ мы получить себѣ успокоеніе, когда помыслимъ, что наши приключенія ни мало не зависятъ отъ случая и слѣпаго рока, или отъ свирѣпаго, злобнаго и непріязненнаго демона, но единственно происходятъ отъ опредѣленія милосердаго и благоутробнаго того Отца, которой насъ Отеческимъ жезломъ своимъ наказуетъ для исправленія, и всѣ бѣдствія употребляетъ ко исполненію человѣколюбивыхъ своихъ намѣреній. Какое чистѣйшее успокоеніе, какую радостную преданность должны въ Христіянинѣ производить сіи размышленія: „Истинный мой Творецъ вѣ„даетъ лучше, нежели я самъ, что „для меня наиболѣе полезно. Никакое „нещастіе не можетъ меня поразить „безъ Его вѣдѣнія, никакая болѣзнь „не смѣетъ меня притѣснять безъ „Его опредѣленія. Оное Существо, „предъ которымъ откровенно лежитъ „мое сердце, которому нравственное „состояніе души моей совершенно из-

„вѣстно, вѣдаетъ, что наложить „на меня должно. И я увѣренъ радостнымъ моимъ сердцемъ, что Оно „кромѣ того, что безконечному Его „разуму кажется для меня полезнѣй„шимъ, ничего на меня наложить не „можетъ. Противъ воли своей по„пущаетъ Оно страдать смертнымъ. „Не находитъ Оно никакого для себя „удовольствія въ ихъ скорби. Печаль„ныхъ сихъ явленій такой есть пред„метъ, чтобъ сильную мою къ су„етной и скоротекущей сей жизни „склонность умѣрить; чтобъ про„исходящія отъ небесъ мои желанія „съ разсужденіемъ обратить къ пред„метамъ высочайшимъ и благороднѣй„шимъ; чтобъ мою вѣру и упованіе „на Бога сдѣлать совершеннѣйшими; „чтобъ мой духъ привести въ боль„шую способность и понятіе для „сильнѣйшаго и живѣйшаго предста„вленія и наслажденія вещей духов„ныхъ и вѣчныхъ. Сіи претерпѣва„емыя мною прискорбности, служа„щія ко исправленію, отъ премудра-

„го

„го и всеблагаго Отца моего къ то-
„му опредѣлены суть, чтобъ спо-
„спѣшествовали въ важнѣйшихъ мо-
„ихъ попеченіяхъ и обязательствахъ;
„чтобъ въ прямомъ и настоящемъ
„видѣ представляли мнѣ презрѣнное
„мое естество и пагубнѣйшія грѣха
„слѣдствія; чтобъ увѣряли меня о
„моей слабости и зависимости; чтобъ
„обращали мой взоръ къ великому и
„высочайшему Судіи надъ животомъ
„и смертію. Твоя убо воля да бу-
„детъ, Боже мой! ибо Ты благо-
„волилъ мнѣ питаться сею сладчайшею
„надеждою, что не хощешь и не мо-
„жешь ничего творить, какъ толь-
„ко для зависящихъ отъ Тебя тва-
„рей благопотребнѣйшее и полезнѣй-
„шее.„ Слѣдующія радостныя и благо-
говѣйныя разсужденія славнаго языч-
ника о семъ предметѣ показываютъ на
добродѣтели основанное достоинство
и высоту души, которая необходимо
должна въ насъ впечатлѣть такое свой-
ство и характеръ и возбудить спра-
ведливое удивленіе: „О когда бы меня,

 „го-

„говоритъ онъ, смерть при таковыхъ достойныхъ упражненіяхъ постигла, дабы мнѣ съ истиннымъ „упованіемъ можно было воззвать тако: Преступилъ ли я Твои повелѣнія? Поступилъ ли превратно въ „дарованныхъ мнѣ Тобою свойствахъ? „Употребилъ ли во зло свои нравственныя силы и способности, каковыми Ты меня одарилъ? Негодовалъ ли я на Тебя отъ неудовольствія, и порицалъ ли пути Твоего „правленія? Я былъ боленъ: — это „было Твое опредѣленіе; — и другіе таковыми же были, но я страдалъ охотно. Я былъ бѣденъ: — „это Твоя была судьба; — но радостенъ и благополученъ въ моей „бѣдности. Я не препровождалъ жизнь „свою въ высокомъ достоинствѣ и „чести: — и въ этомъ также Твоя „была воля; — ни единаго желанія „не происходило во мнѣ къ таковому „возвышенію. Видѣлъ ли Ты меня „о семъ печалующимся и досадующимъ? „Не всегда ли я приступалъ къ Тебѣ

„съ

„съ веселымъ лицемъ, готовъ буду-
„чи исполнять Твои повелѣнія и по-
„виноваться малѣйшему мановенію
„Твоего благоволенія? Теперь благо-
„волишь Ты, чтобъ я сей простран-
„ный театръ оставилъ: — я отхо-
„жу съ чувствительнѣйшею благо-
„дарностію, что Ты удостоилъ ме-
„ня имѣть участіе въ сихъ удивле-
„нія достойныхъ явленіяхъ, разсма-
„тривать Твои дѣла, и чрезъ то
„достигнуть до познанія Твоего пра-
„вительства (*).„ Какое сладчайшее удовольствіе оставляетъ въ душѣ таковое похвальное Богу преданіе! Колико ободряетъ оно разсѣянные жизненные духи! Какую новую отраду въ насъ влагаетъ! Какимъ пріятнѣйшимъ спокойствіемъ и внутреннимъ душевнымъ удовольствіемъ оно насъ исполняетъ! Сколь скоро отбѣгаетъ всякая смущенная печаль, всякое меланхолическое безпокойство, и какая спокойная свѣтлость и тишина объ-

 емлетъ

(*) Арріанъ Эпиктетъ.

емлетъ наше сердце, когда разсуждаемъ, что всѣ правила Божественнаго правительства основаны на непоколебимой премудрости, на совершеннѣйшемъ правосудіи и на безконечной благости! Какое пріятное успокоеніе изливается на душу отъ сего разсужденія, что Божественная десница симъ горькимъ, но спасительнымъ врачевствомъ наполняетъ сосуды наши съ тѣмъ концемъ, дабы уврачевать нравственныя души нашей неустройства; дабы пагубныя склонности и безпорядочныя желанія истребить изъ нашего сердца и привести насъ въ благополучное состояніе душевнаго здравія, свободы и успокоенія нашихъ желаній! Сіе волѣ Божіей покореніе, сіе возложеніе на Бога надежды, ведетъ съ собою неизглаголанное удовольствіе: прекращаетъ всѣ нетерпѣливыя жалобы, разгоняетъ всѣ темные страхи и прелагаетъ душу въ радостную тишину и покой. Одно только сіе мнѣніе, что Богъ управляетъ свѣтомъ, весьма сильно и доволь-

вольно есть прогнать всякую печаль, обезпокоивающую жизнь человѣческую. Совершенное, твердое и довольно изслѣдованное сіе увѣреніе, что мой Творецъ какъ въ семъ, такъ и въ будущемъ свѣтѣ столько печется о моемъ благосостояніи и блаженствѣ, что будто бы уже кромѣ меня ни одной въ цѣломъ свѣтѣ не было твари, составляющей предметъ Его попеченія, непремѣнно должно весьма много возвеличить и возвысить сердце, весьма сильно удалить оное отъ всякой печальной заботы и задумчивости и побудить оное къ преданію себя сильнѣйшимъ чувствіямъ сыновней преданности, любви и дерзновенія къ своему щедрому Отцу, Благодѣтелю и Человѣколюбцу.

И такъ когда Божество такое имѣетъ свойство, когда между Богомъ и нами такое находится любезное отношеніе: то что убо мы должны думать объ ученіи самовластнаго вѣчнаго отверженія, которое о всемогу-

могущемъ Богѣ таковое заставляетъ насъ имѣть понятіе, что яко бы Онъ какъ бы по какому нибудь тиранническому исполненію своей свободной и неограниченной высочайшей власти чрезъ непреложное намѣреніе цѣлые миліоны изъ безсмертныхъ своихъ твореній опредѣляетъ на безконечное адское мученіе и только пять, или шесть изъ пяти, или изъ шести тысячь избираетъ въ блаженство, прочимъ же всѣмъ попускаетъ невозвратно погибнуть; поелику Онъ ихъ отъ самой вѣчности неизчетными годами прежде ихъ на свѣтъ произшествія, не смотря на вспомоществованіе ихъ поведенія, по непремѣняемому и неизбѣжному своему опредѣленію осуждаетъ на погибель, лишенную всякаго избавленія. Я не знаю, въ которое время такое гнусное ученіе первоначально разсѣялось въ Христіянской церквѣ; только оно не нынѣшняго есть столѣтія, но я паче увѣренъ, что каждой разумной и добросердечной Христіянинъ велико-

кое и справедливое къ сему ученію имѣетъ омерзѣніе и презрѣніе, и какъ надѣюсь, изключено оно уже изъ вѣры всякаго созданія, находящагося подъ небесемъ, покланяющагося своему всевышнему Отцу подъ имянемъ милостиваго и милосердаго. Въ какомъ оно видѣ представляетъ Отца и Правителя рода человѣческаго, сіе оставляю я собственному разсудку моего читателя. Когда самою вещію таковые люди находятся, то не могу я понять, какимъ образомъ вѣрующіе сему ученію при сей своей вѣрѣ могутъ быть дѣйствительно щастливыми, хотябъ они о самихъ себѣ представляли, что принадлежатъ къ избраннымъ питомцамъ неба, что обыкновенно есть случайно. Ибо положимъ такъ, что яко бы мы принадлежали къ числу сихъ блаженныхъ: такъ какіяжъ бы мы стали питать въ себѣ мысли о правосудіи и благости Бога, естьли бы Онъ столь пристрастное и неправедное учинилъ различіе? Не принужденыбъ ли мы бы-

ли съ великимъ ужасомъ и соболѣзнованіемъ взирать на таковое непреложно опредѣленное нещастіе столь многихъ миліоновъ подобныхъ и соестественныхъ намъ твореній? Естьли бы какой страстной и безразсудной отецъ изъ многолюдной своей фамиліи истощалъ всю свою нѣжную любовь къ одному какому своему сыну съ обидою и предосужденіемъ всѣхъ прочихъ, то сей любимый болѣе другихъ сынъ по причинѣ таковаго ненавистнаго и пристрастнаго различія непремѣнно бы о таковомъ отцѣ принужденъ былъ имѣть весьма худыя мысли, и таковое жестокое приключеніе и униженіе своихъ братій, предъ которыми бы онъ ни по естественному, ни по снисканному праву не имѣлъ ни малѣйшаго преимущества, не могло бы въ немъ не произвесть терзательныхъ совѣсти угрызѣній и мучительныхъ разсужденій. Но не таковъ есть Богъ Христіяновъ, не таково то Существо, которое мы подъ вожделѣнными наименованіями милости-

стиваго и милосердаго въ своихъ молитвахъ призываемъ. Богъ, которому мы служимъ, хощетъ, чтобъ всѣ люди были блаженны, и не имѣетъ никакого удовольствія въ томъ, чтобъ хотя одно какое изъ безсмертныхъ его твореній погибло. Таковое мнѣніе для всякаго добронравнаго и благоразумнаго Христіянина есть чрезвычайно пріятно и радостно, и то служеніе, каковое мы предъ таковымъ Существомъ отправляемъ, дѣлаетъ наипріятнѣйшимъ и радостнѣйшимъ упражненіемъ. Такимъ образомъ благочестіе удерживаетъ при себѣ внутреннее свое превосходство и естественное свое любви достоинство, когда видимъ, что оно со всѣми нашими силами находится въ сродствѣ; что оно составляетъ блаженство и совершенство естества нашего; что оно наипріятнѣйшее и радостнѣйшее есть упражненіе, отправляемо будучи съ глубочайшимъ и живѣйшимъ чувствованіемъ благодати и милости нашего небеснаго Отца и Правителя,

и что оно превосходнѣйшее удовольствіе и святѣйшую радость въ сердцахъ нашихъ производитъ, происходящую отъ искренней любви, благодарности и преданности въ Божественную волю.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

Естьли мы изслѣдуемъ дѣйствія, каковыя благочестіе оказываетъ надъ душею, то совершенно удостовѣримся, что оно есть источникъ духовнаго блаженства: оно всѣмъ нашимъ силамъ доставляетъ пріятный покой и внутреннее удовольствіе, дѣлаетъ душу саму собою довольною, озаряетъ оную вождelѣнною и тихою свѣтлостію, приводитъ всѣ склонности въ согласіе, укрощаетъ всякую волнующуюся страсть, и блаженнаго своего любителя награждаетъ истиннѣйшимъ и изящнѣйшимъ наслажденіемъ въ его жизни. Какое согласіе, покой, радость, собственное удовольствіе царствуютъ въ той душѣ, которую благо-

благочестіе изящнѣйшими своими преисполнило впечатлѣніями! Не знаетъ она ни мало насилія и неистовства оныхъ свирѣпыхъ и необузданныхъ страстей, влекущихъ своихъ невольниковъ въ такія неустройства, которыя, кромѣ мятежа, кромѣ смущенія и своевольства, ничего въ душѣ не производятъ, а разумъ, разсужденіе, размышленіе и совѣсть столь жалостнымъ образомъ совсѣмъ испровергаютъ. Не знаетъ она ни мало оныхъ возмутительныхъ желаній и неукротимыхъ вождѣленій, которыя своихъ подданныхъ бѣдными, подлыми и презрительными дѣлаютъ невольниками, которыя, похитивъ господство у здраваго разсудка, разумное существо въ скота преобращаютъ и истребляютъ всѣ слѣды славнаго онаго образа, каковой Богъ первоначально впечатлѣлъ въ душѣ человѣческой. Не знаетъ она ни мало онаго мстительнаго страха, онаго предсказующаго нещастіе ужаса, которые мучатъ души злыхъ беззаконниковъ

и

и уязвляютЪ оныя жесточайшими совѣсти угрызѣніями и чувствительнѣйшею печалію. Не знаетЪ она ни мало того неудовольствія, противнаго нашей природѣ, которое все внутреннее благосостояніе и покой расточаетЪ. Не знаетЪ она ничего изЪ всѣхЪ оныхЪ безпорядочныхЪ желаній и порочныхЪ склонностей, сЪ коими спокойствіе и удовольствіе духа никакого сообщенія не имѣютЪ, и которыя, противны будучи естественному закону, не могутЪ купно пребывать сЪ блаженствомЪ естества нашего. Щастливая оная душа, которою благочестіе обладаетЪ, совсѣмЪ ничего не знаетЪ обЪ оныхЪ мятежныхЪ явленіяхЪ внутренняго безпокойства, отЪ таковыхЪ необузданныхЪ страстей точно происходящихЪ. Все вЪ оной мирЪ, согласіе и покой: мирЪ святѣйшій, согласіе непрерывное, покой ненарущимый; всѣ подлыя страсти и нижайшія склонности подвержены благороднѣйшимЪ силамЪ; разумЪ повелѣваетЪ, совѣсть

под-

подтверждаетъ, а нижайшія способности повинуются; сердце, источникъ дѣйствія, есть чисто, и всѣ похоти, ліющіяся изъ него чрезъ нижайшія склонности, суть ясны, прозрачны и непорочны. Душа, посвятившая себя Богу, къ Нему единому и стремится, яко къ высочайшему своему добру и блаженству; чрезъ непорочность сердца, чрезъ непорочность желаній, сохраняетъ надежное свое сообщеніе съ великимъ Источникомъ свѣта, любви и веселія, и возлагаетъ на божественномъ олтарѣ радостную и усердственную жертву своихъ склонностей. Она всѣ свои страсти и вожделѣнія ведетъ плѣненными предъ престоломъ Божіяго величества, возлагаетъ на нихъ покорность, и всѣ свои силы на служеніе Богу посвящаетъ. Волю Божію дѣлаетъ она великимъ правиломъ и образомъ своихъ дѣйствій, а стяжаніе милостиваго Божіяго благоволенія есть первѣйшею ея мѣтою и исполненіемъ всѣхъ ея желаній. Всякую страсть, могущую въ ней обезси-

силитъ и погаситъ любовь къ Богу и къ добродѣтели, и тѣмъ удержать горячайшее ея стремленіе къ чести, славѣ и безсмертію, она укрощаетъ. Какое божественное спокойствіе и увеселеніе не можетъ обитать въ томъ сердцѣ, которое въ таковомъ находится упражненіи и старается достигнуть до таковаго духа расположенія! Таковое сердце, по словамъ Апостольскимъ, въ самой вещи *есть храмъ живущаго Бога*: Богъ въономъ живетъ, просвѣщаетъ оное впечатлѣніемъ своего свѣта и своей любви, оживляетъ оное святѣйшимъ сіяніемъ и успокоеваетъ пріятнѣйшимъ и вожделѣннѣйшимъ лучемъ своей благодати. Чрезъ таковое съ Богомъ сообщеніе, сохраняемое благочестіемъ, получаетъ душа нѣкоторое участіе во изліяніяхъ Божества, преисполняющихъ ее радостію и покоемъ въ вѣрѣ, и всемъ довольствіемъ, происходящимъ отъ Бога, которыя подаютъ ей нѣкоторое, хотя слабое, понятіе объ истинномъ и совершенномъ ономъ блажен-

женствѣ, каковымъ Отецъ сего свѣта самъ наслаждается, сообщая купно и всѣмъ ея чувствіямъ и силамъ миръ Божій, всякъ умъ превосходящій. Блаженъ и треблаженъ ты, человѣкъ, гдѣбъ ты ни былъ, естьли только собственнымъ своимъ искусомъ дознаешь святѣйшую радость, происходящую отъ благочестія, и собственнымъ своимъ свидѣтельствомъ подтвердить можешь, что пути онаго любезны, и всѣ стези онаго миръ суть! Ты только одинъ превосходное то блаженство, каковымъ оно награждаетъ, столько умѣешь возвысить, чтобъ оное совершенно словами описать, или силою воображенія точно представить было можно. Блаженъ, блаженъ ты, Христіянинъ, избравшій Бога своею частію, благочестіе своею предводительницею и безсмертіе своею надеждою! Сколь чиста, сколь спокойна душа твоя! сколь пріятны твои разсужденія! сколь восхитительны твои предпріятія! Какимъ пріятнымъ успокоеніемъ и удовольствіемъ

наслаждается духъ твой! Не знаешь ты ни мало безпокойства и мученія противоборствующихъ неистовыхъ страстей; ты щастливой, щастливой чужестранецъ во оныхъ вожделѣніяхъ, сражающихся въ душѣ и производящихъ въ ней таковыя бѣдственныя и нещастныя явленія! Неизвѣстны тебѣ оныя свирѣпыя фуріи, терзающія повинную совѣсть, ни ужасные тѣ страхи, которые при каждой воспоминанія минутѣ объемлютъ и колеблютъ грѣшника. Сколь ты щастливъ, находясь въ содружествѣ съ Богомъ и въ единомысліи съ добрымъ сердцемъ! Ничто не можетъ у тебя похитить твоего душевнаго спокойствія и удовольствія; ничто не можетъ изчерпать великаго и приснотекущаго оныхъ источника: они всегда попеременно имѣютъ тещи великимъ и прозрачнымъ потокомъ, и каждую минуту краткаго въ сей жизни путешествія прохлаждать тебя будутъ чистымъ и постояннымъ благополучіемъ. Одно наивеличайшее благо-

благочестивой жизни щастіе, каковое я знаю, есть сіе, что она творитъ насъ способными съ свободнымъ и благороднымъ дерзновеніемъ возводить къ Богу очи. Представь только себѣ на одну минуту, что такое называется имѣть великаго Бога своимъ другомъ, то тотчасъ и увѣришься совершенно о щастіи тѣхъ, которые внутреннее и основательное о семъ имѣютъ увѣреніе. Какое превосходное есть щастіе быть въ томъ удостовѣреннымъ, что пріятнѣйшій свѣтъ милостиваго лица Божія надъ нами сіяетъ; что мы наслаждаться можемъ Его благоволеніемъ; что Его любовь чрезъ Святаго Его Духа въ сердца наши изліялась, и что мы въ сообразность Христіянскаго завѣта имѣемъ надежду въ безсмертной вѣчности видѣть себя почтенными превосходнѣйшимъ титломъ и характеромъ наслѣдниковъ Богу и сонаслѣдниковъ Христу! Благодать Его есть жизнь, благоволеніе Его лучше есть жизни. Самыя высочайшія удоволь-

ствія, доставляемыя намъ земными вещами, безконечно суть сихъ подлѣе и ниже, и совсѣмъ недостойны съ ними быть въ сравненіи. Столь-то преизобильныя, столь неизглаголанныя веселія они намъ дарствуютъ! О блаженное состояніе! блаженная душа, могущая по причинѣ своей непорочности имѣть дерзновеніе къ Богу, сего сердца своего великаго Испытателя призывать во свидѣтеля онаго правоты и чистоты, и съ кроткимъ сыновнимъ дерзновеніемъ оказывать предъ Его престоломъ хотя несовершенное, однакожъ искреннее повиновеніе! *Аще сердце наше не зазираетъ намъ*, говоритъ Апостолъ, *имамы дерзновеніе къ Богу*. Какоежъ превосходнѣйшее веселіе, какая восхитительная надежда, какія божественныя утѣшенія суть слѣдствіемъ таковаго дерзновенія, сіе тѣмъ только однимъ извѣстно, которые, посвятивъ свою жизнь благочестію, увѣрены о любви Божіей, и происходящее изъ сей любви внутреннее блаженство собственнымъ дознали искусомъ.

ОТ-

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

Привѣтствующее соизволеніе нашей совѣсти особеннѣйшую благочестивой жизни доставляетъ пріятность и удовольствіе. Совѣсть есть гласъ Божій, великій намѣстникъ неба, печатлѣющій важность законовъ нашего Творца, и въ каждомъ нашемъ дѣйствіи, согласномъ съ Божескими предписаніями, подающій намъ торжественное и пріятное свидѣтельство. Главныя сіи истинны производятъ въ душѣ такое удовольствіе, тишину и спокойствіе, что добродѣтель сама себѣ наградою, и одно произведеніе добраго дѣйствія довольнымъ для себя воздаяніемъ бываетъ. „Каждое доброе и честное дѣйствіе, „какъ говоритъ одинъ превосходной „писатель, не только есть съ при„родою согласно, но ведетъ еще съ „собою щастіе, которое происходитъ „изъ натуры онаго, и которое сему „дѣйствію есть свойственно. Роди„тельская, супружеская и сыновняя

,,любовь не преисполнена ли есть
,,удовольствія? Правосудіе, человѣко-
,,любіе, благотворительство, должно-
,,сти человѣчества и всѣ прочія
,,добродѣтели не доставляютъ ли
,,намъ чистѣйшаго и постояннѣйшаго
,,веселія? Естественное побужденіе, ка-
,,ковое мы къ нимъ чувствуемъ,
,,и то успокоеніе, которое соедине-
,,но съ ними, каждой неповрежденной
,,духъ почти непреоборимо влечетъ
,,къ исполненію оныхъ. При произ-
,,веденіи оныхъ не чувствуемъ мы
,,никакихъ печальныхъ прещеній, ни-
,,какихъ обличительныхъ помышле-
,,ній, и никакого тайнаго сопротивле-
,,нія. Утѣшеніе, удовольствіе самимъ
,,собою, и привѣтствіе совѣсти все-
,,гда сопровождаютъ таковыя дѣй-
,,ствія.,, Тотъ, которой предъ Бо-
гомъ и предъ людьми непорочную
имѣетъ совѣсть, таковымъ обладаетъ
сокровищемъ, которое несравненно бо-
лѣе есть достойно, нежели богат-
ство Восточной и Западной Индіи.

Пра-

Правая совѣсть есть наивеличайшее изъ всѣхъ щастій, и достойна предпочтенія всѣмъ коронамъ, скипетрамъ и государствамъ и всякой въ свѣтѣ учености. Увеселенія, происходящія отъ чистаго сердца и одобряющей совѣсти, не подвержены никакому внутреннему ущербу, никакому внѣшнему предѣлу, и безъ сомнѣнія своего обладателя наградить могутъ чистѣйшимъ, непорочнѣйшимъ и превосходнѣйшимъ щастіемъ, жаковымъ только въ сей жизни наслаждаться можно. Праведный человѣкъ есть самимъ собою доволенъ, котораго довольствія источникомъ есть добрая совѣсть. Естьли она намъ не дѣлаетъ никакихъ укоризнъ, то блаженство души нашей столь есть безопасно, что насиліемъ времени, или перемѣны, ни мало нарушено быть не можетъ. Что суть порицанія и ругательства ненавистнаго и безъ всякаго снисхожденія разсуждающаго свѣта для таковаго человѣка, которой оправданіемъ своего сердца и добрымъ

 сви-

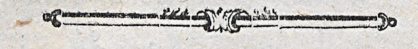
свидѣтельствомъ своея совѣсти наслаждается? Что суть поносительнѣйшія укоризны, безчеловѣчнѣйшія досажденія, кровожаднѣйшее бѣшенство тиранновъ и гонителей наихитрѣйшія мученія, каковыя только когда либо или вымыслила злоба, или добродѣтель претерпѣла, для человѣка, увѣрившагося о своей добродѣтели и невинности, увѣрившагося о честныхъ своихъ поступкахъ, находящагося подъ защитою Бога истинны, и знающаго, въ кого онъ вѣруетъ, на кого уповаетъ, и ободряемаго тѣмъ восхитительнымъ еще увѣреніемъ, что дѣло, въ каковомъ онъ страждетъ, есть дѣло Божіе и надлежащее до благочестія? Чистая совѣсть всегда противъ всѣхъ человѣческихъ золъ вооружалась постояннымъ мужествомъ и неустрашимостію, и щастливаго своего обладателя толикою снабдѣвала всегда силою и великодушіемъ, что онъ, находясь въ пыткахъ, подъ колесами, въ пламени суевѣрнаго неистовства и

крово-

кровожаждущей неразумной ревности, могЪ веселиться и торжествовать. Чистая совѣсть на мертвенномЪ уже взорѣ неповиннаго страдальца изображала радость, и претерпѣваемыя имЪ мученія дѣлала для него сносными и малочувствительными, да и самую таковую смерть не столь уже представляла страшною. Столь твердо есть святѣйшее мужество, которое она впечатлѣваетЪ! Чистая совѣсть есть неизчерпаемый источникЪ неизглаголанной радости, исполненной славы. Таковыя увеселительныя разсужденія, таковыя утѣшительныя успокоенія, таковое внутреннее духа спокойство и блаженство подаетЪ намЪ благочестіе! Естьли мы оное когда нибудь отЪ всего сердца возпріемлемЪ; естьли когда сопрягаемЪ оное со внутреннимЪ существомЪ и естествомЪ души: то оно всѣ ея способности возвышаетЪ и украшаетЪ, подаетЪ имЪ благородную свободность и достоинство, распространяетЪ и наполняетЪ ея силы всемЪ неизмѣри-

 мымЪ

мымЪ множествомЪ духовныхЪ увеселеній, и изливаетЪ на оную блаженство, весьма сЪ онымЪ сходственное, каковымЪ блаженные духи вЪ самыхЪ селеніяхЪ безсмертія наслаждаются.

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

Увеселенія, подаваемыя намЪ благочестіемЪ, не суть кратки, скоротекущи и изчезающи, такЪ какЪ увеселенія чувствЪ. Скотскія увеселенія скоро чувствамЪ бываютЪ непріятны: они влекутЪ за собою пресыщеніе и отвращеніе, и оставляютЪ вЪ душѢ ужасныя совѢсти угрызѢнія и терзающую печаль. Веселія благочестія совсѢмЪ инаго свойства: они суть чисты, постоянны; они подвергаютЪ себя изслѢдыванію нашего разсудка, коего чувственныя увеселенія, продолжающіяся только на малое время, терпѢть не могутЪ. Увеселенія, происходящія отЪ благочестія, не оставляютЪ послѢ себя жала: они никакими внутренними укориз-

ризнами, никакими безпокойными огорченіями и никакою мучительною тоскою сопровождаемы не бываютъ. Увеселенія, каковыя оно подаетъ, никакими нечистыми страстьми не оскверняются, никакими тщетными и суетными замыслами не пресѣкаются: они не чрезъ повтореніе насъ наполняютъ и довольствуютъ, но текутъ равнообразнымъ полнымъ потокомъ, прохлаждаютъ душу, увеселяютъ, оживляютъ и укрѣпляютъ сердце божественными утѣшеніями безпрестанно.

Подаетъ ли беззаконная жизнь таковыя радости, каковы суть сіи? Ни мало, ни мало подать не можетъ! Грѣшникъ есть бѣденъ, гдѣ бы онъ ни былъ; ибо осуждающая совѣсть повсюду его сопровождаетъ. Хотя бы онъ на самой послѣдній свѣта край вознамѣрился удалиться, однакожъ терзательнѣйшія мучительства злой его совѣсти на каждомъ бы его шагѣ за нимъ гнали; ибо душа, сущая жилищемъ нещастія, не премѣ-

ня-

няется съ премѣненіемъ мѣста: она всегда таковажъ остается. Злыя ея вожделѣнія и склонности одинъ только премѣняемой видъ подаютъ внутренней ея бѣдности. Среди притворства Дворца, среди сіянія величества, среди великолѣпія пышныхъ градовъ, среди рабскаго ласкательства ползующихъ, или въ ногахъ валяющихся невольниковъ, среди роскошныхъ банкетовъ и позлащенныхъ палатъ; словомъ, среди всѣхъ сластолюбія и невоздержности позорищъ человѣкъ, зараженной пороками, есть подлая и бѣдная тварь. Вся сія внѣшняя пышность не довольна ни на одну минуту воспятить мученія злаго сердца и злой совѣсти. Хотя бы онъ отъ одного беззаконнаго позорища къ другому обратился; хотя бы свои веселости до безконечности перемѣнялъ, вмѣсто однихъ предпріемля другія; хотя бы всѣ свои утѣхи, неустройства и невоздержности проходилъ попеременно, однакожъ онъ долженъ, долженъ между тѣмъ имѣть свои

трез-

трезвые часы. Разсужденіе его паки появится, его совѣсть изъ бездны сладострастія и піянства, въ которой онъ былъ погруженъ, паки освободится. И чтожъ онъ тогда при представленіи своей такъ препровожденной жизни возчувствуетъ? Какое будутъ имѣть мысли его расположеніе въ ту минуту, когда посмотритъ на прежнія свои дѣйствія? Таковая же минута непремѣнно пріидетъ. Какія движенія и чувствованія возстанутъ въ его сердцѣ, когда всѣ прошедшія порочныя явленія трепещущему его воображенію вдругъ представятся? О ужаса и отчаянія! Онъ находитъ тогда уже адъ въ своихъ нѣдрахъ; ибо усматриваетъ Бога своимъ отмстителемъ; онъ усматриваетъ, что свою природу лишилъ ея достоинства; что поставилъ себя ниже скотовъ, нарушилъ свое здравіе, преисполнилъ свое тѣло сѣменемъ ужасныхъ и мерзскихъ болѣзней, въ слабость привелъ здравой свой разсудокъ, совѣсть лишилъ

сво-

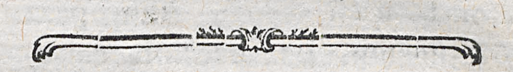
своего господства, Бога обезчестилъ, Евангеліе посрамилъ, и нѣсколькими малыми годами собралъ на себѣ неизмѣримое множество бѣдности временной и вѣчной. Онъ приходитъ въ страхъ, когда помышляетъ, что нѣжнѣйшихъ своихъ родителей своею непокорностію огорчилъ столь несносно, и что тѣ выгоды, каковыми въ цвѣтущихъ лѣтахъ своей жизни наслаждался, столь безотвѣтно употребилъ на зло. Не смѣетъ уже онъ возводить очи свои предъ страшнымъ престоломъ Творца своего, предъ которымъ ему скоро надобно явиться для воспріятія воздаянія за дѣла свои.

Сколь превосходнѣйшими кажутся увеселенія благочестія, когда сравниваемы бываютъ съ столь многотрудною и неудоборѣшимою бѣдностію! Какое вѣрное изображеніе видѣли мы недавно, представляющее намъ опасность и нещастливой конецъ беззаконной жизни! Но таковой презрѣнія

нія достойной видъ долженъ притомъ служить тѣнію къ возвышенію божественной красоты стороны противной. Естьли мы ни для десяти тысячей міровъ въ таковомъ состояніи быть не пожелаемъ, то поистиннѣ благочестіе, естьли только употребимъ благоразуміе къ воспріятію и присвоенію себѣ онаго, сохранитъ насъ отъ всей столь многоразличной сей бѣдности. Благочестіе есть единственный путь, по которому мы должны шествовать, единая истиннѣйшая премудрость, высочайшее и превосходнѣйшее блаженство какъ для сего, такъ и для будущаго вѣка. Мы видимъ, что злочестивая жизнь несносной видъ представляетъ; что она превосходнѣйшее наше попеченіе уничтожаетъ, и что порокъ и бѣдность неразрывные между собою суть спутники. Мы видимъ, что никакой человѣкъ не можетъ быть щастливымъ, допускающій надъ собою владычествовать пороку, и что какъ законъ Божій, такъ и законъ при-

ро-

роды оной ему запрещаетъ. И такъ ктобъ какъ ни разсуждалъ о благочестіи, однакожъ оно представляетъ себя намъ высочайшимъ нашимъ благомъ и изящнѣйшимъ средствомъ къ приведенію въ совершенство человѣческаго естества и всего благополучія, каковое только оное естество вмѣстить въ себѣ можетъ.

ОТДѢЛЕНІЕ VIII.

Помысли еще, что съ упражненіемъ въ благочестіи соединяется здравіе, честь и достоинство. Я при выгодахъ, слѣдующихъ обыкновенно за благочестіемъ, для того упоминаю о здравіи, что воздержаніе есть одно изъ превосходнѣйшихъ его правилъ. И сколь полезна, сколь спасительна естеству нашему сія знаменитая добродѣтель, не для чего мнѣ о томъ сказывать. Коликимъ множествомъ бѣдствій невоздержаніе и роскошь тѣхъ обременяютъ, которые во оныя

вда-

ѣдалися Какія жестокія и несносныя болѣзни они производятъ, болѣзни, которыя иногда у тѣхъ, кои ихъ въ себѣ своими порочными произвели невоздержностьми, не престаютъ, но продолжительнымъ порядкомъ невинно страждущихъ потомковъ далѣе распространяются! Коль различныя бѣдствія человѣческой жизни благочестивое житіе предупреждаетъ! Коль многимъ нещастіямъ затворяетъ оно входъ, которыя жизнь дѣлаютъ позорищемъ бѣдности, но при всемъ томъ позорищемъ, для многихъ желательнымъ! Нѣкоторые изъ древнихъ имѣть здравую душу въ здравомъ тѣлѣ за верьхъ человѣческаго блаженства почитали. Я увѣренъ, что одно только упражненіе въ благочестіи сіе высочайшее блаженство доставить можетъ; ибо благочестіе укрощаетъ тѣ желанія, коихъ неограниченное насыщеніе приводитъ въ опасность здравіе, наполняетъ горестію жизнь, скоровременную приноситъ старость и прежде времени

низводитъ насъ во гробъ. И такъ сохраненіе и укрѣпленіе здравія, безъ котораго сей свѣтъ есть темница, и весь вещей образъ столь мраченъ, какъ адъ, наслажденіе радостными днями и долговременною щастливою жизнію, всѣ, говорю, сіи чувствительнѣйшія представленія каждаго благоразумнаго юношу неотрицательно должны побудить, чтобъ онъ по здравомъ разсужденіи посвятилъ себя благочестію, такъ какъ щедрой подательницѣ всѣхъ сихъ избраннѣйшихъ выгодъ.

Полученіе чести и достоинства есть такой предметъ, которой довольно есть силенъ побудить насъ къ воспріятію всѣхъ средствъ, безопасно къ тому ведущихъ. Щастливымъ быть любовію и высокопочитаніемъ свѣта, находиться въ таковомъ всеобщемъ уваженіи, чтобъ не только въ округѣ до насъ принадлежащихъ и нашихъ пріятелей, или только въ маломъ собраніи нашихъ домашнихъ,

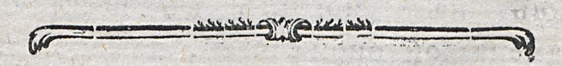
но и отъ всякаго званія и состоянія людей быть почитаемыми и любимыми, имѣть таковое возстановленное уваженіе, доставляющее намъ почтеніе и доброжелательство свѣта, побуждающее другихъ возлагать свою надежду на извѣстное наше чистосердечіе и предавать свои святѣйшія попеченія нашей вѣрности, полагаться съ благонадежнѣйшею довѣренностію на правоту нашей совѣсти, прибѣгать къ намъ для полученія совѣта и рѣшенія въ неизвѣстныхъ и затруднительныхъ случаяхъ, требующихъ вѣрнѣйшей богобоязливости и справедливости, получить, говорю, таковое любезное уваженіе, и съ таковымъ непорочнымъ и честнымъ именемъ препровождать жизнь свою поистиннѣ есть самая знаменитая честь, каковою только человѣкъ наслаждаться и отъ свѣта ожидать можетъ. Можетъ ли другое какое величайшее быть щастіе, какъ находиться во уваженіи, любви и почтеніи у премудрыхъ и благо-

нравныхъ? Имѣетъ ли свѣтъ другое удовольствіе, которое бы съ таковымъ превосходнымъ удовольствіемъ основаннаго на добродѣтели уваженія могло сравниться? Какое бѣдное и презрѣнное есть дѣло привлекать на себя посрамленіе и безчестіе свѣта, что обыкновенно всегда отъ порока неминуемо происходитъ? Можетъ ли разумное существо подвержено быть другому какому либо несноснѣйшему нещастію, какъ когда каждой любитель благочестія и добродѣтели всемѣрно отъ него отвращается и убѣгаетъ; когда его пороки берутъ въ примѣръ чужіе родители, и представляютъ ихъ своимъ дѣтямъ съ тѣмъ, чтобъ произвесть въ нихъ къ онымъ отвращеніе; когда почитаютъ его заразою содружества, ядомъ фамиліи, клятвою родителей за похищеніе у нихъ честности, чудовищемъ піянства, мотовства, роскоши; кратко, омерзѣніемъ каждаго честнаго и добродѣтельнаго человѣка, то есть каждаго человѣка такого, котораго

по-

почитаніе и доброжелательство великую заключаетъ въ себѣ важность? И такъ добродѣтель и въ разсужденіи еще сего наипаче служитъ поощреніемъ юношамъ, которая должна привлечь ихъ къ себѣ удивленіе и любовь, достойна воспламенить святѣйшую къ себѣ страсть въ тѣхъ, которые имѣютъ быть небесъ жителями, когда она щедрою рукою таковое изобиліе благополучія еще здѣсь подаетъ человѣческой жизни. Благочестіе съ избыточествомъ награждаетъ всякое попеченіе, употребляемое нами на исполненіе его должностей. Слава и честь въ десницѣ онаго, тишина же и миръ въ шуйцѣ. Оно все сіе предлагаетъ намъ съ привлекающею улыбкою, съ небесными пріятностями и со всѣми плѣняющими прелестями, каковыя только побудить насъ могутъ къ воспріятію знаменитой оной славы, которою насъ увѣнчать намѣреваетъ. И такъ благочестіе въ семъ еще свѣтѣ имѣетъ свои награды, хотя бы мы въ бу-

дущую жизнь и не преселялись, которыя однѣ сильны насъ побудить къ напряженію всѣхъ нашихъ силъ для снисканія онаго, и однѣ могутъ безконечно удовольствовать все наше пщаніе и все попеченіе, сколь бы многаго намъ труда ни стоило пріобрѣтеніе онаго. Оно жизнь нашу учинитъ спокойною и пріятною по причинѣ той чести и славы, каковую упражненіе въ ономъ доставить намъ можетъ; оно сдѣлаетъ насъ обладателями таковаго достоинства и преимущества, которое несравненно болѣе принесетъ намъ почтенія, нежели сколько богатствомъ и славными дѣлами снискать мы можемъ. И такимъ образомъ въ разсужденіи только сего учинитъ жизнь нашу театромъ возвышеннѣйшихъ увеселеній и благороднѣйшаго внутренняго удовольствія.

ОТДѢЛЕНІЕ IX.

Другое щастливое обстоятельство, составляющее пріятность въ благоче-

честивой жизни, есть удовольствіе и спокойство, каковыми оно наполняетъ душу. Что можетъ привесть въ безпокойство душу того, которой увѣренъ, что безконечная Божія благость печется о правленіи цѣлаго? Какія возмутительныя печали, какая мучительная тоска можетъ снѣдать того сердце, которой радостныя имѣетъ убѣжденія, что его попеченія ввѣрены рукамъ высочайшей благодати, и что всѣ распоряженія высочайшаго правительства на щастіи цѣлаго свое основаніе имѣютъ? Кто столь великое имѣетъ право къ полученію чистѣйшаго и ненарушимаго духа спокойствія, какъ благочестивой Христіянинъ; Христіянинъ, знающій, что Богъ вѣчной и вѣрной заключилъ съ нимъ союзъ; Христіянинъ, знающій, что Богъ, которой Сына Своего не пощадѣлъ, но предалъ Его для вѣчнаго его спасенія, съ симъ неоцѣненнымъ благословеніемъ ему все дарствуетъ? Какое зло нарушить можетъ святѣйшій

миръ той души, которая совершенно предала себя Богу, и которой всѣ купно силы согласились совершенно и безроптательно покориться Его волѣ? Какое истинное успокоеніе и постоянное удовольствіе въ себѣ возчувствуешь, когда помыслишь, что Богъ ничего не хощетъ, какъ только самое для насъ полезнѣйшее; что онъ никаковаго другаго званія, никаковаго другаго состоянія для насъ не назначаетъ, какъ только то, о которомъ безконечнымъ и неложнымъ Своимъ разумомъ вѣдаетъ, что оно для насъ есть самымъ лучшимъ, и что мы, въ каковомъ бы состояніи и званіи ни были, чрезъ вѣрное и нелицемѣрное исполненіе должностей, съ симъ званіемъ сопряженныхъ, сіе Его соизволеніе подтвердить можемъ? Прекрасное зданіе покоя и благополучія души, съ радостію ввѣряющей себя божественнымъ судьбамъ, утверждается на такомъ основаніи, котораго всѣ мятежи и непостоянства сего свѣта поколебать и разрушить не могутъ.

Тотъ,

Тотъ, котораго всѣ желанія и надежды въ Богѣ, какъ въ своемъ средоточіи, купно соединяются, которой одну только божественную волю познать старается, дабы съ оною жить сообразно, которой веселымъ духомъ слѣдуетъ туда, куда ведетъ его Провидѣніе (какъ видѣли въ отдѣленіи шестомъ), и которой при каждомъ сей жизни перемѣнномъ видѣ, или явленіи, благоговѣйно взываетъ: да будетъ воля Твоя, Боже! Тотъ, говорю, котораго сердце столь твердо на Бога уповаетъ, свое блаженство на такомъ основалъ твердомъ камени, на которой волны многомятежнаго Океана сей жизни хотя сильно стремятся и сильно объ оной ударяютъ, однакожъ своимъ свирѣпствомъ ничего противъ него успѣть не могутъ (*). Посмѣяніе и порицаніе

Ille, velut rupes, quae vastum prodit in aequor,
Obvia ventorum furiis, expostaque Ponto,
Vim cunctam atque minas perfert, coelique marisque
Ipsa immota manens.

Virgil. Æn. X. 693.

То

цание свѣта, досажденія, ненависти и злобы никакой не производятъ перемѣны въ спокойствіи той души, которая себѣ избрала Бога своею частію, истинну своею метою, святое писаніе своимъ всегдашнимъ ученіемъ, небо своею надеждою. Таковая душа ни въ щастіи не надмѣвается, ни въ нещастіи не унываетъ. Щастіе ея незыблемо и никакой человѣческихъ дѣлъ перемѣнѣ неподвержено. Она наипаче подобна тихому и всегда равно текущему потоку, изливающему чистѣйшее веселіе, святѣйшую радость и пріятное утѣшеніе противъ всѣхъ многоразличныхъ приключеній и обстоятельствъ сей жизни. Но какое спокойствіе обитать можетъ въ той ду-

---

То есть:

Подобенъ онъ горѣ, изъ камней сооруженной,
Имѣющей свой скатъ, къ водамъ морскимъ склоненной,
Въ которую хотя ярящійся Борей
Со всею силою мятущихся морей,
Подвигнуть силяся, жестоко ударяетъ,
Однакожъ крѣпости своей та не теряетъ:
Противъ всѣхъ тѣхъ угрозъ недвижима стоитъ,
Которыя ей Понтъ и небо вдругъ творитъ.

душѣ, которую возмущаютъ страсти, которую изнуряетъ ненависть, роскошь подобно нечистому духу мучитъ, терзаетъ сребролюбіе, надмѣваетъ гордость, погружаетъ сладострастіе и противныя между собою премногихъ воюющихъ желаній стремленія развлекаютъ? Истинное и постоянное блаженство духа нигдѣ болѣе не обрѣтаетъ мѣста, какъ только тамъ, гдѣ благочестіе свое непорочное пребываніе восприяло. Всѣ другія домогательства и всякой другой родъ жизни, не имѣющій предметомъ благочестія, суть столь же многія совращенія съ той великой дороги, которую Богъ при нашемъ сотвореніи назначилъ всѣмъ намъ стезею, столь же многія суть преступленія главныхъ законныхъ правилъ нашея природы; и чѣмъ далѣе уклоняемся мы на сіи распутія, тѣмъ болѣе отдаляемся отъ великаго предмета высочайшаго нашего добра и блаженства. Всѣ опыты всѣхъ вѣковъ свѣта, снесены будучи между собою, согласно

сію

сію истинну подтвердили, что порокъ есть наивеличайшее злоключеніе; что онъ всѣ наши важнѣйшія предпріятія до основанія истребляетъ, и весь истинный миръ, все утѣшеніе и спокойствіе души разрушаетъ. Всѣ прошедшіе свѣта вѣка, просвѣщенные и непросвѣщенные, всѣ состоянія людей во всѣхъ временахъ, всѣ, какъ остроумной философъ, такъ и дикой варваръ, всѣ въ томъ согласны были, чтобъ каждому потомству маловременныхъ смертныхъ предать сіе за главную истинну: *одна лишь добродѣтель намъ есть въ жизни сей блаженствомъ.* Добродѣтель есть сама себѣ собственною наградою, высочайшимъ благомъ человѣческой жизни и единственнымъ источникомъ всякаго истиннаго и постояннаго благополучія. И такъ, разсуждая о таковыхъ щастливыхъ дѣйствіяхъ, каковыя благочестіе оказываетъ надъ человѣческою душею, какъ-то о непремѣняемомъ духа спокойствіи, о радостной тишинѣ, о безпечальномъ преданіи

себя

себя божественной волѣ, и о пріятномъ удовольствіи самимъ собою, не можемъ мы ни мало сомнѣваться о сей истиннѣ, что благочестіе есть единый путь, ведущій людей во храмъ истиннаго блаженства.

ОТДѢЛЕНІЕ X.

Изъявленіе благотворительныхъ и дружественныхъ склонностей есть вторымъ источникомъ чистѣйшихъ духа увеселеній. Блаженство Бога состоитъ въ Его благости. Богъ безконечно есть блаженъ; поелику безконечно есть благъ. Повсемственное распространеніе блаженства до безчисленныхъ существъ въ безконечныхъ мірахъ нѣкоторымъ образомъ къ сему великому относится началу; все объемлющее и все назирающее Его надъ своими тварьми смотреніе, которыя отъ Него зависятъ, которыя могуществомъ Его созданы, которыя провидѣніемъ Его сохраняются, наслаждаясь Его благотворительствомъ, испол-

исполняетъ Бога неизглаголаннымъ самодовольствіемъ и высочайшимъ веселіемъ. Человѣческое блаженство на томъ же самомъ изящнѣйшемъ подкрѣпленіи, на томъ же основаніи, на которомъ и Божіе, утверждается. Упражненіе въ благотвореніи доставляетъ человѣческому сердцу высочайшее блаженство, какое только оно чувствовать можетъ. Благотворительство предъ всѣми прочими есть одна изъ тѣхъ добродѣтелей, которыя при ихъ отправленіи сами себя награждаютъ. Хотя бы никакихъ будущихъ не было съ онымъ соединенныхъ воздаяній, однакожъ одни изящнѣйшія увеселенія и пріятнѣйшія чувствованія, отъ него происходящія, довольными бы могли быть для всякаго побужденіями, чтобъ сію любезнѣйшую изъ добродѣтелей въ себѣ хранить и въ оной утверждаться. Сколь пріятно человѣку воспоминать благотворительныя свои дѣйствія! Сколь ему радостно приводить на мысль, что онъ такому-то жалости достойному

ному помогъ предмету; такого-то добродѣтельнаго человѣка преклоняющуюся отъ печали возстановилъ главу; такого-то невиннаго извлекъ изъ челюстей убійцы; такія-то достойныя, но бѣдныя фамиліи, злостраждущія въ скромномъ молчаніи, преисполнилъ благодарственнымъ восхищеніемъ, всякимъ веселіемъ и спокойствомъ; на такого-то прискорбнаго нещастливца раны излилъ елей утѣшенія; такого-то бѣдняка заслуги и достоинство вывелъ наружу; такого-то одареннаго природною остротою и способностью къ ученію, но претерпѣвающаго нищету и недостатокъ, принялъ подъ покровительство; бѣдность облегчилъ, жестокость человѣческой горькой судьбы смягчилъ, злоключенія и злостраданія близь себя живущихъ уменьшилъ, печаль ихъ дружескимъ своимъ совѣтомъ и довольно оказанными благодѣяніями утишилъ и укротилъ; такихъ-то вдовъ и сиротъ въ ихъ прискорбности посѣтилъ. Словомъ, всѣмъ достойнымъ пред-

предметамЪ, съ которыми что либо могЪ учинить, доставилЪ такое щастіе, какое только доставить было можно. Какое божественное удовольствіе подаютЪ таковыя достойныя побужденія! ПоистиннѢ божественныя суть сіи расположенія. Внутреннее увѢреніе, что мы чрезЪ малое любовное благотвореніе отвратили печаль и нещастія различныхЪ достойныхЪ особЪ и фамилій, что избавили ихЪ отЪ трудныхЪ ихЪ обстоятельствЪ, и чрезЪ благовременное дарованіе имЪ помощи учинили ихЪ вЪ состояніи приводить опять вЪ порядокЪ свои предпріятія, исполнять свои намѢренія и употреблять таковыя мѢры, чрезЪ которыя они сами себя привести могутЪ вЪ щастливѢйшія обстоятельства, и вѢроятнымЪ способомЪ доставлять такоежЪ щастіе и своимЪ единокровнымЪ вЪ роды родовЪ; внутреннее увѢреніе, что мы служимЪ очами слѢпымЪ, ногами хромымЪ, пріятелями страждущей добродѢтели, прибѢжищемЪ вдо-

вдовамъ и сиротамъ, и первые споспѣшествуемъ въ наставленіи, или учрежденіи, имѣющемъ предметомъ облегченіе человѣческой бѣдности; внутреннее увѣреніе, что мы имѣемъ сердце, побуждаемое таковыми чувствіями, сердце, которое пространнымъ своимъ благотворительствомъ объемлетъ общее благо всего человѣческаго рода. Таковое внутреннее увѣреніе поистиннѣ доставляетъ намъ величайшее блаженство, какое только человѣческое сердце вмѣстить можетъ, величайшее, какое только самое Божество при настоящемъ вещей распоряженіи даровать можетъ смертнымъ. Благотворительство есть прекрасной списокъ Божественнаго оригинала; ибо Богъ есть любовь. Благотвореніе есть высочайшее блаженство человѣка; ибо оно есть высочайшее блаженство Бога. Великое тотъ пріобрѣтаетъ себѣ съ Божествомъ сходство, которой къ оному своими благими расположеніями и склонностьми наиближае подходитъ, и котора-

го ощасшливливаешЪ наслажденіе всесовершеннѢйшимЪ блаженсшвомЪ, заимсшвующимЪ свое начало ошЪ шогожЪ источника; ошЪ кошораго и блаженсшво Бога проистекаетЪ. „НичѢмЪ шакЪ, говоришЪ ЦицеронЪ, „люди кЪ безсмершнымЪ богамЪ ближе не подходяшЪ, какЪ когда дѢлаютЪ добро.„ КаковымЪ удовольсшвіемЪ не можетЪ наслаждаться богашой, когда БогЪ даровалЪ ему доброе сердце на благошвореніе употреблять свое богатсшво! Не можетЪ бышь вЪ свѢшЪ другаго щасшливѢйшаго созданія, какЪ богашой, имѢющій шаковыя расположенія. ВЪ какомЪ уваженіи, любви, почтеніи и удивленіи находишся у свѢша шаковой харакшерЪ, или нравЪ, склонной кЪ благошворенію! ВЪ жизни ему покланяюшся, да и по смерши сЪ вѢчною славою творяшЪ обЪ немЪ воспоминаніе. Богашсшво, есшьли оно соединено сЪ благотворишельсшвомЪ, привлекаешЪ кЪ себѢ всенародное почтеніе; есшьли же сЪ онымЪ разрывЪ имѢетЪ, все-

на-

народное презрѣніе. Отсюду видно, какое достойное любви узаконеніе составляетъ Евангеліе! Сколь явственно сіе начертаніе само о себѣ свидѣтельствуетъ, что оно отъ Бога любви происходитъ; что доставляетъ намъ истинное и совершенное благополучіе, поелику оно на каждой почти страницѣ сію достойную любви добродѣтель, такъ какъ самое главнѣйшее свое правило, или какъ различительный знакъ, оправдающій Христіянина, послѣдователямъ своимъ внушаетъ! Коль извѣстно Евангелію благополучіе естества человѣческаго, когда оно таковыя къ благотворенію побужденія впечатлѣть въ сердцѣ старается! Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа зналъ, что наивеличайшее наше благополучіе зависитъ отъ упражненія въ благотвореніи и любви; и такъ намѣреніе, чтобъ сдѣлать насъ благополучными, побудило Его сіе новое благотворенія учрежденіе и узаконеніе, такъ какъ источникъ истиннѣйшаго нашего веселія,

 за-

запечатлѣть высочайшею Своею печатію, и чрезъ торжественнѣйшее и выразительнѣйшее онаго предписаніе особенно и безотрицательно учинить Христіянъ къ оному обязанными. И такимъ образомъ, какъ видѣть можно, соединилъ Онъ наше благополучіе съ нашею должностію. Одно изъ самыхъ превосходнѣйшихъ достопамятныхъ изреченій всей древности сіе есть прекрасное Спасителя нашего положеніе: *Блаженнѣе есть паче даяти, нежели пріимати.* Изъ самаго того способа, каковымъ представляетъ оное Апостолъ, явствуетъ, что оно обыкновеннымъ и любезнѣйшимъ было выраженіемъ нашего Спасителя: *Подобаетъ поминати слово Господа Іисуса, яко самъ рече: блаженнѣе есть паче даяти, нежели пріимати* (*). Намѣреніе сего изящнаго нравственнаго положенія есть то, дабы показать, что удовольствіе благодѣтельствующаго есть болѣе, нежели

(*) Дѣян. гл. 20. ст. 36.

ли того, которой благодѣянія пріемлетъ; что чувствованія того, которому чрезъ пріятное благодѣяніе оказана помощь, сколь бы онъ благодаренъ, сколь бы глубочайшею чувствительностію въ разсужденіи своихъ обязательствъ побуждаемъ ни былъ, далеко не столь суть сладки и изящны, какъ чувствованія, доставляемыя самому благодѣтелю тѣмъ благотворительнымъ дѣйствіемъ и увѣреніемъ во ономъ. Иной бы, можетъ быть, смотря на раздаяніе полезныхъ благодѣяній, усомнился, кого наипаче привѣтствовать надобно: или достойнаго дателя, или достойныхъ принимателей, естьли бы сіе изъясненіе нашего Спасителя насъ не увѣрило, что удовольствіе благотворительнаго дателя гораздо превосходнѣе есть удовольствія тѣхъ, которые его благодѣянія пріемлютъ. „Нужно „ли показывать, говоритъ одинъ пре„восходной писатель, что благотво„рительство и любовь болѣе пода„ютъ увеселенія, болѣе утѣшенія и

 „удо-

„ удовольствія, нежели соотвѣтству-
„ ющая имъ чувствительность? Мож-
„ но ли что нибудь сказать, или
„ вздумать, справедливо въ похвалу
„ зависти, ненависти, злобы и от-
„ мщенія? Кромѣ сего ничего: они
„ суть истинныя огорченія жизни и
„ ядъ всѣхъ увеселеній. Самая без-
„ пристрастность [то есть посред-
„ ственное расположеніе духа между
„ доброжелательствомъ и зложела-
„ тельствомъ] и одно несоучаствова-
„ ніе во благѣ нашихъ ближнихъ, по-
„ истиннѣ несродное, непріятное и
„ безутѣшное есть для насъ состоя-
„ ніе; поелику сіе совсѣмъ противно
„ расположенію и первымъ уставамъ
„ человѣческаго естества. Но всеобщее
„ благотворительство есть присно-
„ текущій источникъ чистѣйшаго спо-
„ койствія и истиннѣйшаго удоволь-
„ ствія; оно чрезвычайно пріятно,
„ когда кто во ономъ упражняется,
„ и не менѣе увеселительно, когда
„ кто объ ономъ воспоминаетъ. Оно
„ есть такое увеселеніе, которое не

„ поль-

,, только людямъ и Ангеламъ, но и
,, самому Богу, котораго безконечная
,, благость творитъ безконечно бла-
,, женнымъ, есть свойственно. Чрезъ
,, то самое, что мы отверзаемъ свое
,, сердце для всякой твари, спосп-
,, шествуемъ мы купно изящнѣйшимъ
,, образомъ нашему щастію, щастію,
,, которое въ мгновеніе ока начинает-
,, ся, но пребываетъ вѣчно. Чрезъ то
,, каждое добро, какое только случить-
,, ся можетъ, творимъ мы въ соб-
,, ственную нашу пользу, и всеобщее
,, благополучіе обращаемъ въ собствен-
,, ное наше благополучіе. Когда мы
,, радуемся о щастіи другихъ, то
,, чрезъ сіе самое раздѣляемъ мы его
,, съ ними, и чѣмъ болѣе оное съ
,, ними чувствуемъ, тѣмъ болѣе на-
,, ша часть бываетъ. ,, И такъ изъ-
явленіе доброжелательныхъ и человѣко-
любныхъ склонностей, какъ-то люб-
ви и благотворительства, особеннымъ
образомъ благочестивую жизнь тво-
ритъ щастливою; поелику благо-
родныя и любви достойныя сіи располо-

 же-

женія чистѣйшія, сладчайшія, превосходнѣйшія и преимущественнѣйшія производятъ увеселенія духа.

ОТДѢЛЕНІЕ XI.

Наищастливѣйшія фамиліи въ семъ свѣтѣ суть фамиліи благочестивыя. Какое щастливое представленіе благочестіе вкругъ себя распространяетъ, видѣть сіе можно наипаче изъ малаго согласнаго общества, соединяемаго союзомъ благочестія. Какое пріятное тамъ представляется позорище, позорище, на которое Ангели, Іисусъ и Богъ изъ селеній безсмертія со удовольствіемъ взираютъ, гдѣ видѣть можно, какъ каждой членъ таковаго общества, сохраняя въ себѣ изящнѣйшія расположенія, старается споспѣшествовать въ общемъ благѣ; какъ дѣти предупреждаютъ повелѣнія своихъ родителей, по своей возможности тщатся уменьшить бремя ихъ слабостей, и всѣ свои силы благороднымъ образомъ къ тому употребляютъ, чтобъ

своихъ родителей сдѣлать щастливыми; чтобъ распространить въ душѣ ихъ радость, спокойство и удовольствіе, и чтобъ въ то время ихъ жизни, когда они большаго требуютъ утѣшенія, тщательно всего того избѣгать, что можетъ нарушить ихъ покой; всегда о томъ помышляютъ, чтобъ чрезъ всѣ нѣжныя выраженія сыновней любви облегчить ихъ печали; благородное и чувствительное соучаствованіе пріемлютъ въ ихъ прискорбностяхъ; Бога своихъ родителей, присвояютъ себѣ Богомъ; ихъ примѣръ представляютъ себѣ правиломъ подражанія; свои поступки сообразуютъ съ тѣмижъ самыми началами и предписаніями, по которымъ и ихъ родители поступаютъ; и чрезъ каждое засвидѣтельствованіе достодолжнаго своего поведенія и своего повиновенія конецъ ихъ жизни премѣняютъ на тихое, свѣтлое и пріятное вечернее время! Самое величайшее удовольствіе, каковымъ родители при послѣднихъ въ жизни своей явленіяхъ

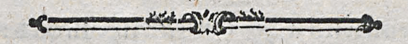
 мо-

могутъ наслаждаться, состоитъ въ томъ, когда они въ своихъ дѣтяхъ достойныя любви добродѣтельныя расположенія усматриваютъ. Какое сладчайшее восхищеніе должно ощущать сердце нѣжнаго отца, когда видитъ, что его дѣти такія содружества болѣе почитаютъ, такіе союзы сообщества избираютъ, которые подъ благословеніемъ Всемогущаго полагаютъ основаніе для ихъ благополучія какъ въ сей, такъ и въ будущей жизни! Я сомнѣваюсь, возможно ли въ жизни чувствовать кому большее щастіе, какъ какое чувствуетъ отецъ при таковомъ случаѣ? Добродѣтель сыновняя есть вѣнецъ сѣдинъ. Сколь много уменьшатся болѣзни и злостраданія старости, слабость, досада, уронъ здравія, кратко, всякая многоразличная бѣдность старости чрезъ любовь, повиновеніе и добродѣтель благонравныхъ дѣтей, чрезъ пріятное увѣреніе, что они непоколебимо тещи будутъ по стезямъ благочестія; что они святое пи-

писаніе почитаютЪ, находятЪ удовольствіе вЪ благочестивыхЪ установленіяхЪ, охотно обращаются вЪ молитвахЪ и чтеніи, и чрезЪ полезныя знанія всегда стараются себя учинить совершеннѢйшими, скромнѢйшими и обходительнѢйшими! Всего таковаго щастія, вЪ фамиліяхЪ примѢчаемаго, всѢхЪ таковыхЪ увеселительныхЪ явленій, при послѢднихЪ временахЪ жизни представляемыхЪ, всего таковаго утѢшенія, каковое послушныя и доброжелательныя подаютЪ дѢти, всего сего домашняго благополучія единственнымЪ источникомЪ есть благочестіе. Какое сильное побужденіе для родителей кЪ тому, чтобЪ своихЪ дѢтей воспитывали вЪ благочестіи; чтобЪ нѢжныя ихЪ сердца сими святѢйшими онаго источниками исполнили, естьли только желаютЪ спокойнымЪ, безмятежнымЪ и пріятнымЪ концемЪ своей жизни наслаждаться; естьли только желаютЪ щастливо жить и спокойно умереть! И какимЪ также чувствительнымЪ

по-

поощренiемъ служитъ сiе для дѣтей, чтобъ душеспасительныя наставленiя своихъ родителей незагладимо печатлѣли въ сердцахъ своихъ; чтобъ избирали себѣ оныя въ прiятное предводительство въ ихъ поведенiи; чтобъ свое благополучiе на томъ же назидали основанiи, на которомъ благочестивые ихъ родители свое основывали, и чтобъ наиревностнѣйше старались чрезъ послѣдованiе тѣмъ же главнымъ правиламъ, коимъ послѣдовали ихъ родители, чрезъ снисканiе такихъ же обычаевъ, какiе ихъ родители для себя снискали, могли достигнуть до онаго преимущественнаго блаженства, каковымъ столь долго и столь превосходно видѣли вы наслаждающихся своихъ родителей!

ОТДѢЛЕНIЕ XII.

Сколь прiятна и щастлива благочестивая жизнь, естьли помыслимъ, какiя преимущественныя и превосходныя

ныя выгоды, какой чистѣйшій источникъ благороднѣйшаго веселія даровало намъ Евангеліе! Какой предметъ, какой обильнѣйшій предметъ радости, веселія и торжествованія представляетъ намъ Евангеліе! При вожделѣнномъ вочеловѣченіи дражайшаго нашего Спасителя небесные лики восхитительными гласами повторяли: миръ, миръ на земли, и во человѣцѣхъ благоволеніе! Я соболѣзную о тѣхъ, соболѣзную всемъ сердцемъ, которыхъ души столь сутъ помрачены, которыхъ установленія толикой преисполнены печали, что увеселительныя Евангелія откровенія не могутъ ихъ восхитить въ святѣйшую радость и въ восторгъ, свойственной Христіянамъ. Богъ есть любовь, Христосъ есть любовь, Евангеліе есть уставъ любви, которой весь на то единственно учрежденъ, чтобъ насъ преисполнить живѣйшею надеждою и радостнѣйшимъ упованіемъ. Евангеліе есть не такое ученіе, которое бы могло быть совмѣстно съ меланхоліею; оно

оно на то уставлено, чтобъ весь страхъ, отъ меланхоліи происходящій, изъ души прогнать и самыя устрашенія смерти премѣнить на пріятности; оно исполняетъ насъ веселіемъ и миромъ въ вѣрѣ. Тотъ, которой блаженное безсмертіе предъ собою видитъ, никакъ не можетъ погруженъ быть въ смущенное уныніе, или въ малодушное отчаяніе; тотъ, которой знаменитый вѣнецъ неувядаемаго блаженства зритъ висящимъ предъ своими очами для воспламененія къ нему благородной ревности, и которой внутренно увѣренъ, что чрезъ великодушное употребленіе своихъ добродѣтельныхъ попеченій сію знаменитую славу получить себѣ можетъ, тотъ при таковыхъ зрѣніяхъ, при таковыхъ увѣреніяхъ, не можетъ подвергнуть себя помраченному и съ досадою соединенному каковому либо смущенію, не можетъ свою душу помрачить глубокомысленною тѣнію безутѣшной задумчивости. Злочестиво, неблагородно и совсѣмъ

Хри-

Христіянину несродно бы было такъ учинить. Евангеліе такъ учреждено, чтобъ изъ святѣйшаго его источника чистѣйшіе потоки Божественнаго веселія на человѣческую жизнь изливались для прогнанія всего того, что природѣ нашей противно, для разсѣянія нашихъ печалей, для возстановленія насъ во время нещастія, для ободренія небесными утѣшеніями и для изліянія на насъ цѣлаго моря восхитительнѣйшаго веселія во время прискорбнаго странствованія въ сей суетной жизни. (*) *Да не смущается сердце ваше*, говоритъ нашъ Спаситель: *вѣруйте въ Бога, и въ мя вѣруйте. Миръ оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ, не якоже міръ даетъ, азъ даю вамъ. Да не смущается сердце ваше, ни устрашаетъ. Аще бысте любили мя, возрадовалися бысте убо, яко рѣхъ, иду ко Отцу.* — *Радуйтеся о Господѣ*, говоритъ Павелъ, *и паки реку радуйтеся.*

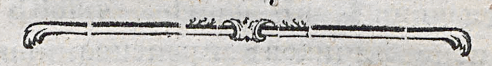
Кто

(*) Іоан. 14. ст. 1. 27. 28.

Кто столь многія имѣетъ причины веселиться, какъ Христіянинъ? О какое святѣйшее восхищеніе, какую святѣйшую радость подаетъ намъ сіе разсужденіе, что мы наслѣдники Бога, сонаслѣдники Христа во оной блаженной вѣчности! Какимъ твердымъ великодушіемъ ободряютъ насъ оныя изобильныя обѣщанія Божественной помощи во всѣхъ нашихъ нуждахъ! Какое утѣшеніе, какой внутренній миръ не можетъ произойти изъ сего увѣренія, что намъ грѣхи наши при искреннемъ покаяніи прощены быть имѣютъ! Какое святѣйшее чрезвычайное веселіе подаютъ намъ знаменитыя изреченія Евангелія! Явственное объявленіе вѣчной жизни, обѣщанная награда до кончины продолжающейся святой жизни, которая насъ со всѣхъ сторонъ склоняетъ къ исполненію нашей должности, есть такое ученіе, которое тотъ единственно предметъ имѣетъ, чтобъ всѣ наши прогнать печали, чтобъ всѣ наши облегчить страданія, и

чтобъ наши сердца распространить и преисполнить восхищеніями благодарности, любви и торжествованія. Іустинъ мученикъ, преисполненъ будучи восторгомъ, взываетъ о новомъ завѣтѣ такъ: сію книгу нашелъ я для себя единою безопасною и полезною философіею. Намѣреніе Евангелія состоитъ въ томъ, чтобъ своихъ исповѣдниковъ преисполнить Божественнымъ веселіемъ; напротивъ того намѣреніе многихъ сочиненій, которыя по видимому наономъ имѣютъ свое основаніе, къ тому клонятся, чтобъ преисполнить людей безутѣшнымъ уныніемъ. Кто неизмѣримое изобиліе благодѣяній, соединенныхъ съ завѣтомъ благодати, разсматриваетъ, и самолично себя какъ временно, такъ и вѣчно находитъ во оныхъ соучаствующимъ: тотъ за невозможное сочтетъ, чтобъ какое разумное существо, хотя бы оно къ горести и печали весьма было преклонно, могло о семъ блаженномъ благочестіи самою вещію разсуждать и размыш-

лять съ холодною нечувствительностію, съ помраченною, смущенною и досадующею душею, немогущею отъ природы, или отъ привычки, или отъ какого ученія чувствовать Божественной силы и дѣйствія сихъ восхищающихъ истиннъ и знаменитыхъ увѣреній.

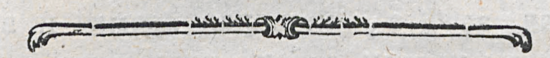
ОТДѢЛЕНІЕ XIII.

Благочестіе есть премудрѣйшая и щастливѣйшая наука, каковой мы обучаться можемъ; ибо оно насъ научитъ не только щастливо жить, но и спокойно умереть; оно изящнѣйшую подаетъ намъ помощь въ то время, когда мы во оной величайшую имѣть будемъ нужду. Сей вѣрнѣйшій спутникъ сопровождаетъ насъ на пути жизни и не оставляетъ насъ тогда, когда мы умираемъ; онъ останется при насъ, когда все прочее насъ уже оставитъ; при часѣ смертномъ утѣшенія его суть наисильнѣйшія. Изъ сего затмѣнія прозираетъ онъ

онѣ сѣ сугубымѣ сіяніемѣ, простираетѣ пріятный лучь на темную сѣнь смертную, и дѣлаетѣ насѣ способными сѣ побѣдными и торжественными пѣсньми вступать во оную. Смерть, разсуждаемая сама по себѣ, есть страшное приключеніе. Премѣнить время на вѣчность, затворить навсегда наши очи для сего свѣта, проститься на долго со всѣми предметами нашихѣ склонностей, и изѣ пристани человѣческой жизни преселиться вѣ другой неизвѣстной свѣтѣ безконечной, все сіе несказанно есть ужасно. — Но не уже ли нѣтѣ ничего, чтобѣ могло отнять у смерти сіе ея жало и свободить отѣ того смущающаго ужаса, каковымѣ поражаетѣ гробница? — Есть. Восхитительное размышленіе! Благочестіе, благочестіе сіе творитѣ. *О смерте! гдѣ твое жало? О аде! гдѣ твоя побѣда? Благословенѣ Богѣ, даровавый намѣ побѣду Господемѣ нашимѣ Іисусомѣ Христомѣ!* О благочестіе! сколь блаженна есть твоя сила! Сколь все-

всесильно твое вспомоществованіе! Ни время, ни временныя приключенія, ниже страшный видъ смерти не могутъ испровергнуть твоихъ увеселеній, помрачить Божественное твое сіяніе, или возмутить оные чистые и прохладные твои потоки, которые ты изливаешь для погашенія нашей жажды и для подкрѣпленія слабыхъ силъ нашихъ. Благочестіе добраго Христіянина приводитъ въ состояніе оставить сей свѣтъ безъ воздыханія, разстаться со всѣми его ослѣпляющими мнимыми увеселеніями безъ печали и проститься съ нимъ на вѣки съ свойственнымъ Христіянину великодушіемъ, спокойствомъ и веселіемъ. О коль восхитительны суть тѣ явленія, каковыя оно при послѣднихъ минутахъ жизни Христіянину представляетъ! Какому не можно быть въ часъ смертный веселію, когда кто можетъ обратить взоръ свой на прежнюю добродѣтельную жизнь свою? Съ какою честію, съ какою тишиною и съ какимъ единомысліемъ от-

отходитъ Христїянинъ изъ театра сея жизни, когда ожидающее его безконечное и неизглаголанное блаженство къ себѣ привлекаетъ, и когда онъ самъ среди прискорбнаго разлученїя души съ тѣломъ чувствуетъ въ себѣ все исполненїе Божественнаго удовольствїя и въ высочайшемъ степени неизглаголанную и знаменитую радость?

ОТДѢЛЕНІЕ XIV.

Изслѣдуемъ мы теперь благочестїе въ отношенїи онаго до будущаго явленїя нашего существованїя, и разсмотримъ, что оное и въ самой будущей жизни ожидаетъ. Всеблагїй Творецъ въ душѣ человѣческой воспламенилъ горячайшее желанїе къ безсмертїю, которое Онъ столь же вѣрно удовольствуетъ, сколь вѣрно даровалъ Онъ намъ оное. Божественное сїе побужденїе торжествовать будетъ надъ развалинами гроба и процвѣтать неувядаемо въ безсмертномъ пре-

пребыванiи. Какiяжъ знаменитыя надежды во внутренности Христiянина Евангелiе воспламенило? Христiяне не просто ожидаютъ безсмертiя, но они суть подлинные его наслѣдники. Какiя восхитительныя представленiя открылъ намъ нашъ Спаситель! Предметы, къ которымъ стремиться Онъ научилъ насъ, не маловажное суть что либо, но слава, честь и безсмертiе. Оная завѣса, которая время и вѣчность между собою отдѣляла, теперь уже отнята, и радостное позорище распространяется на великой, различной и безпредѣльной проспектъ далеко, безконечно далеко за оное покрывало, скрывавшее его прежде отъ очей нашихъ. Коль суть отдаленны отъ заблуждающаго сомнѣнiя и отъ мучащей неизвѣстности откровенiя Евангелiя! Коль непостоянно, коль недовѣрчиво говорятъ о сей матерiи всѣ славные мудрецы древнiе, которые одинъ только свѣтъ разума въ своихъ испытанiяхъ имѣли предводителемъ! Коль разнообразны и несход-

сходственны суть ихъ изслѣдованія въ разсужденіи сего предмета по причинѣ вмѣшанныхъ въ нихъ пустыхъ сказокъ и вымысловъ! Будущее ихъ состояніе въ ужасной и безутѣшной сѣни непроницаемаго мрака для нихъ сокровенно было. Философское око, которое напрягалось проникнуть сквозь мракъ сей стихотворческими заблужденіями и вздорами сѣдой почтенной древности, ослѣпилось и ослабѣло. Евангеліе есть одна такая система, которая жизнь и безсмертіе въ справедливомъ и непомраченномъ свѣтѣ представила. Откровеніе сего важнаго ученія есть различительное его превосходство, собственная и особенная его слава, въ которой ничто съ нимъ спорить не можетъ, и которое его отъ всякаго благочестія, бывшаго когда либо въ свѣтѣ, преимущественно отличаетъ. Коль убо много превосходнѣе есть прочихъ сіе святое учрежденіе, когда оно къ добродѣтели относимо бываетъ! Коль безконечное поощреніе

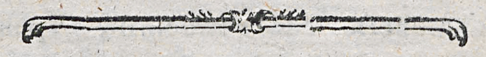
имѣетъ благочестіе для своихъ послѣдователей! Обѣтованіе сей и будущей жизни. Зрѣніе Христіянина не преграждается предѣлами сей суетной и тѣни подобной жизни, свѣтъ сей не вмѣщаетъ въ себѣ всѣ его надежды; онъ присвояетъ себѣ возвышеннѣйшія вещи, стремится къ превосходнѣйшимъ предметамъ и безсмертнымъ своимъ силамъ даетъ свободное дѣйствіе, когда устремляетъ ихъ къ тѣмъ безконечнымъ и неизглаголаннымъ увеселеніямъ, которыя Богъ уготовалъ для постоянной и непоколебимой добродѣтели. Въ вѣчности благочестіе получитъ свой вѣнецъ, въ вѣчности украшено будетъ діадимою несказанной славы. О вожделѣнное, вожделѣнное селеніе, гдѣ блаженные Ангелы и прославленные духи, изходя во срѣтеніе Христіянину, пріимутъ его съ побѣдными пѣсньми и торжественными пѣніями, и въ Божественномъ своемъ веселіи введутъ его въ опредѣленное для него жилище!

По-

Помысли всякъ, сколь несказанно восхитительно должно быть сладчайшее лицезрѣніе Бога, когда оно явственнымъ образомъ открываетъ славу величества Его, предъ которою Херувимы, Серафимы и всѣ безконечные чины небесныхъ жителей себя повергаютъ и въ восхищеніяхъ благоговѣйнаго своего удивленія взываютъ: Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ! Небесное блаженство симъ однимъ выраженіемъ изъясняется: узрятъ они Бога. Коль безчисленное множество неизглаголанныхъ понятій въ семъ одномъ краткомъ выраженіи заключается! *Никто же*, говоритъ нашъ Спаситель, *видѣ Отца*. Естьли бы таковой потокъ славы излился на слабыхъ смертныхъ, то всѣми бы ихъ преобладалъ силами. Мы получимъ новыя способности, чрезъ которыя удобно можемъ нести сіе надмѣру преславное зрѣніе и вмѣщать въ себѣ все оное невмѣстимое блаженство, представляемое намъ на таковомъ радостномъ позорищѣ. Помы-

 сли,

сли, что это значитЪ, имѣть подобное сіяніе Божественной славы и видѣть, какЪ вЪ зерцалѣ, славу, Господа, и отЪ славы вЪ славу преходя, быть подобнымЪ образу Его, какЪ говоритЪ АпостолЪ? Помысли, что это значитЪ, имѣть безпосредственное сообщеніе со ОтцемЪ нашея души, быть непорочнымЪ вЪ Его непорочности, премудрымЪ вЪ Его премудрости, блаженнымЪ вЪ Его блаженствѣ, и всѣми нашими чувствіями и представленіями ощущать впечатлѣніе Его свѣта, Его истинны, и удостоиться совершеннаго наслажденія святѣйшимЪ Его присутствіемЪ, исполненнымЪ радости и блаженства, безконечно превосходящаго всѣ наши понятія и представленія?

ОТДѢЛЕНІЕ XV.

Желающій совершенно познать блаженство, благочестивую жизнь увѣнчавающее, да обратитЪ свои мысли кЪ щастливому утру воскресенія. Вос-

Воскресеніе мертвыхъ есть великое откровеніе и исполненіе всѣхъ земныхъ вещей. Здѣсь заключается великое позорище человѣческой жизни. Съ сего великаго періода время свой конецъ, а вѣчность свое начало воспріемлетъ; съ воскресенія начинается все наше блаженство, блаженство, которое чистымъ, полнымъ, всегда умножающимся и безконечнымъ потокомъ на всѣ вѣка безпредѣльной вѣчности изливаться будетъ; съ сего щастливаго начала утра воскресенія, освобождены будучи на вѣки изъ темницы тлѣннаго и смертнаго тѣла, преселимся мы въ совершенную свободу и блаженство чадъ Божіихъ. Сколь во всемъ отмѣнными и перемѣнившимися постигнетъ насъ щастливое сіе утро! Сіе тлѣнное облечется въ нетлѣніе, сіе смертное въ безсмертіе. Мы облечемся въ блистающую небесную одежду неизглаголанной славы; всѣ наши душевныя силы, пришедъ въ ободреніе, дѣйствительность и проворство воспріимутъ; не будутъ

уже болѣе обременяться тяжкимъ бременемъ земли, и чувственности не будутъ болѣе затмѣваться скотскими склонностьми, не будутъ болѣе въ своихъ дѣйствіяхъ растočаться отъ нашей неповоротливой плоти и крови. Какой свѣтъ, какую истинну и знаніе тогда мы въ себѣ возчувствуемъ! Коль скоро тогда всѣ наши затрудненія изчезнутъ, и темныя облака, покрывающія нынѣ духъ нашъ, въ одно мгновеніе ока на вѣки разсыпаны будутъ! О сколь препрославленъ тотъ часъ, когда мы въ новую жизнь возстанемъ, когда возведемъ очи свои на небо и узримъ въ славномъ торжествующемъ позорищѣ нашего дражайшаго Спасителя, сходящаго оттуда съ премногими тысящами святыхъ для увѣнчанія добродѣтельныхъ своихъ послѣдователей вѣнцемъ вѣчнаго амаранта! Какія чувствія, какія движенія, неизлаголемыя никакимъ языкомъ и непостижимыя никакою мыслію, должно возбудить въ пламенѣющихъ нѣдрахъ

до-

добраго Христіянина сіе столь преславное радостное позорище! Сіе то есть самое оное щастіе, бывшее предметом всѣх надежд его! Сей-то есть оный день, котораго он желал столь нетерпѣливо! Сія-то, сія есть оная вожделѣнная времени минута, которая его при всѣх печалях и злостраданіях мертвенной сей жизни оживляющим утѣшеніем ободряла и дѣлала его препобѣждающим чрез Того, Которой прежде возлюбил его! О колико возрадуется добродѣтельной Христіянин сходящему своему Спасителю! Какими торжественными пѣсньми привѣтствовать Его будет с преславным Его пришествіем! С коликою радостію как самаго себя, так и стоящих окрест поздравлять будет, что Тот, Которой объявил о будущем своем пришествіи, уже пришел для введенія их в совершеннѣйшее блаженство! Какое множество попеременно одно за другим послѣдующих внутренних движеній любви, благо-

благодарности, удивленія и восхищенія во внутренности нашей появится, когда узримъ сіе позорище, когда пробудимся отъ долговременнаго своего сна, возстанемъ скоропоспѣшно изъ глубокаго хладнаго гроба, отверземъ свои очи къ вѣчности и цѣлое сіе море славы на насъ изливающимся увидимъ! Какія радостныя слезы, естьли только блаженные могутъ плакать, выступятъ изъ очей нашихъ при таковомъ зрѣніи, при таковомъ пространномъ и безмѣрно преславномъ позорищѣ, когда узримъ Его, якоже есть; какъ Онъ съ неизглаголанным веселіемъ, съ нѣжнѣйшею любовію, съ пріятностію своего взора похваляетъ побѣдоносную вѣру своихъ послѣдователей и непоколебимое ихъ въ добродѣтели пребываніе; какъ Онъ распространяетъ свою десницу и потомъ восхитительное произноситъ опредѣленіе: *щастливъ ты, благій и вѣрный рабе! вниди въ радость Господа твоего!* Когда Христіянинъ таковое услышитъ опредѣ-

дѣленіе, какое дарует ему безсмертіе, то, находясь тогда въ потокѣ веселія, не будетъ ли по примѣру Сципіона лобзать свое отечество и привѣтствовать свѣтъ, пріобрѣтшій ему его добродѣтели? Какое пріятное воображеніе, что мы уже чрезъ всю вѣчность обращаться будемъ съ преисполненнымъ милосердія своимъ Спасителемъ, и приняты будучи въ вѣрнѣйшее его дружество и любовь, составимъ нѣкоторую часть блистательнаго, славнаго и несказанно великолѣпнаго собранія блаженныхъ духовъ, сопровождать Его будемъ грядущаго повсюду, по всѣмъ мѣстамъ и странамъ неизмѣримаго неба Божества, которыя Онъ посѣщаетъ, и заимствовать отъ Него станемъ всегда обильнѣйшее и обильнѣйшее исполненіе вѣдѣнія и блаженства чрезъ всѣ вѣки безконечнаго свѣта! Блаженныя селенія, въ которыя грѣхъ и болѣзнь не имѣютъ входа, въ которыхъ всѣ человѣческія несовершенства на вѣки суть незнаемы, которыхъ жители ни отъ ка-

кихъ злоключеній обезпокоиваемы, никакими болѣзньми и печальми изнуряемы и никакимъ искушеніямъ подвержены не бываютъ, въ которыхъ Богъ всѣ слезы отъ очесъ ихъ отираетъ, и въ которыхъ согласіе, миръ и любовь вѣчно царствуютъ! Блаженныя селенія, въ которыхъ мы будемъ сочленами всеобщаго собранія всѣхъ премудрыхъ и добродѣтельныхъ, которые когда только жили, сочленами общества оныхъ святѣйшихъ и блаженнѣйшихъ духовъ, о которыхъ мы читали, въ которыхъ увидимъ мы достойныхъ своихъ предковъ, благочестивыхъ своихъ родителей, нѣжныхъ своихъ братьевъ, возлюбленныхъ своихъ дѣтей и всѣхъ добродѣтельныхъ сродниковъ, пріятелей и знакомцевъ такъ, чтобъ не разлучаться уже съ ними никогда; но чтобъ такое заключить съ ними дружество и сообщество, которое столь долго пребывать должно, сколь долго самая вѣчность продолжаться имѣетъ! Блаженныя селенія, въ кото-

торыхъ мы вѣчность имѣть будемъ предъ собою, въ которыхъ мы еще продолжать будемъ жизнь свою, хотябъ то давно уже забыто было, что мы прежде въ такомъ тѣлѣ, каково есть теперешнее, жили, и такой свѣтъ, каковъ есть настоящій, населяли!

ОТДѢЛЕНІЕ XVI.

И такъ помыслите, мои читатели, для Бога, для васъ самихъ прошу я васъ, помыслите, что это значитъ потерять безсмертіе, лишить самаго себя собственнаго, естественнаго и извѣстнаго своего добра, и будучи наслѣдникомъ Божіимъ, отщетить самаго себя отъ таковаго нетлѣннаго, неложнаго, неувядаемаго наслѣдства? — Да за чтожъ? За нѣкоторыя малыя, ничего незначущія и подлыя удовольствованія своихъ похотей въ краткой и скоротекущей жизни, которая весьма скоро при самомъ юнѣйшемъ изъ насъ имѣетъ окон-

чаться. Таковое преславное наслѣдственное добро для нѣкоторыхъ малыхъ, скотскихъ и скоропреходящихъ увеселеній, которыя едва увеселеніями заслуживаютъ называться, отвергнуть! — Можешъ ли другое какое большее безуміе и бѣшенство быть воображаемо: небо отдать за землю, блаженное безсмертіе за грѣховную мертвенность, и всемъ блаженствомъ безконечной вѣчности жертвовать для малыхъ нѣкоторыхъ тщетныхъ минутъ, для тщетной тѣни жизни, для суетныхъ услажденій грѣха, много, много на нѣсколько точію минутъ продолжающихся? — Хотя бы всѣ философы, ораторы и богословы, во всѣхъ вѣкахъ жившіе, соединились между собою, однакожъ бы не могли они быть довольны представить точно безуміе и несмысленность людей въ семъ попеченіи. Естьли мы, не смотря на то, что рождены къ славѣ, чести и безсмертію, всѣ врожденныя свои надежды погребаемъ въ тѣсномъ нынѣшнемъ гробѣ настоящей

щей жизни, то тѣмъ самимъ сколь ужасно унижаемъ сіи отъ небесъ происходящія силы, сколь много безчестимъ самаго Бога, Которой воспламенилъ въ насъ сіи желанія, и съ толикоюжъ вѣрностію, съ какою ихъ въ насъ воспламенилъ, опредѣлилъ также оныя удовольствовать! Въ какое низкое, подлое, презрѣнное и гнусное состояніе чрезъ сіе самое низвергаемъ мы себя раболѣпнѣйшимъ образомъ съ высочайшаго степени благороднѣйшаго величества! О безчестное и поношенія достойное паденіе! Рожденну быть для процвѣтанія въ вѣчномъ пребываніи, но не смотря на то, предавать себя добровольно вѣчной смерти! О ты, толико возвышенная прежде тварь, созданіе Божіе и наслѣдникъ безсмертія, ты, въ которомъ прежде все соединено было, что только чувства и мысли представить себѣ могутъ возвышеннаго, блистательнаго, преисполненнаго чести и славы! какъ ты палъ, какъ погубилъ себя? Славное свое рож-

денія право продалЪ ты за намалеванной облакЪ, за позлащенную игрушку, за скороизчезающую тѣнь, за прїятной, обманчивой и краткопродолжающїйся сонъ; небесное свое произхожденїе, своего Отца и домЪ оный Отеческїй, вЪ которомЪ столь многїя обители уготованы для добродѣтельныхЪ и послушныхЪ чадЪ Его, ты позабылЪ, самопроизвольно позабылЪ, и не упоминая о томЪ, чѣмЪ ты теперь находишься и чѣмЪ впредь будешь, предосудительнымЪ образомЪ почелЪ ты для себя за довольное худо и бѣдно пришельствовать вЪ гостинницѣ, и такимЪ образомЪ всѣ мысли о своей природной отчизнѣ, о своемЪ истинномЪ отечествѣ погребЪ ты вЪ вѣчномЪ забвенїи. О когда бы люди столь были благоразумны, чтобЪ они только сїе, чтобЪ они послѣднюю свою кончину возЪимѣли предЪ очами! О когда бы сїи разумныя твари, которыхЪ существованїе вЪ сей жизни столь чрезвычайно кратко, столь крайнѣ неизвѣ-

извѣстно, могли помыслить, что такое есть небо, что называется быть безсмертнымъ, что въ себѣ заключаетъ сей титулъ: сыны и наслѣдники Бога, какое благочестивыхъ ожидаетъ блаженство, дабы хотя чрезъ сіе могли имѣть побужденіе, достохвальное въ себѣ питать честолюбіе, достойно мыслить и жить своей высокой небесной природѣ и съ горячайшимъ усердіемъ стараться о пріобрѣтеніи славнаго того наслѣдства, которымъ Богъ нѣкогда столь же вѣрно награждать будетъ, сколь вѣрно есть, что Онъ его обѣщалъ! Безсмертіе, любезной читатель, ни мало не походитъ на пустую сказку, безсмертіе ни мало не вымышленно отъ священниковъ для удержанія народа въ почтительномъ страхѣ и въ неволѣ; вѣчность не есть сновидѣніе, ниже какое умственное романическое вымышленіе. Нѣтъ, Богъ намъ обѣщалъ; то Существо, Котораго истинна есть непреложна, опредѣлило намъ быть онаго наслѣдниками. Сіе на-

 слѣд-

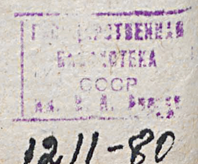
слѣдство, котораго мы такимъ образомъ удостоены, не въ сей поистиннѣ пребываетъ жизни. Жизнь сія не собственное есть наше отечество: она не составляетъ части, или покоя для Христіянина. Мы только въ семъ подвига позорищѣ можемъ предчувствовать онаго увеселенія и чрезъ благочестивыя разсужденія прежде времени дѣйствительно въ душѣ своей производить неизглаголанное исполненіе его блаженства. Сіе наслѣдство въ началѣ будущей жизни само собою намъ приключится: оно находится по ту сторону гроба. Благочестіе намъ его обѣщаетъ, смерть насъ ведетъ во оное. Намъ должно темную пройти долину смерти, прежде нежели восхищенное наше око узритъ блаженныя онаго селенія. Прежде земная сія жизни нашея хижина должна разрушиться, потомъ уже уразумѣемъ мы тѣ веселія, которыя Богъ уготовалъ любящимъ Его.

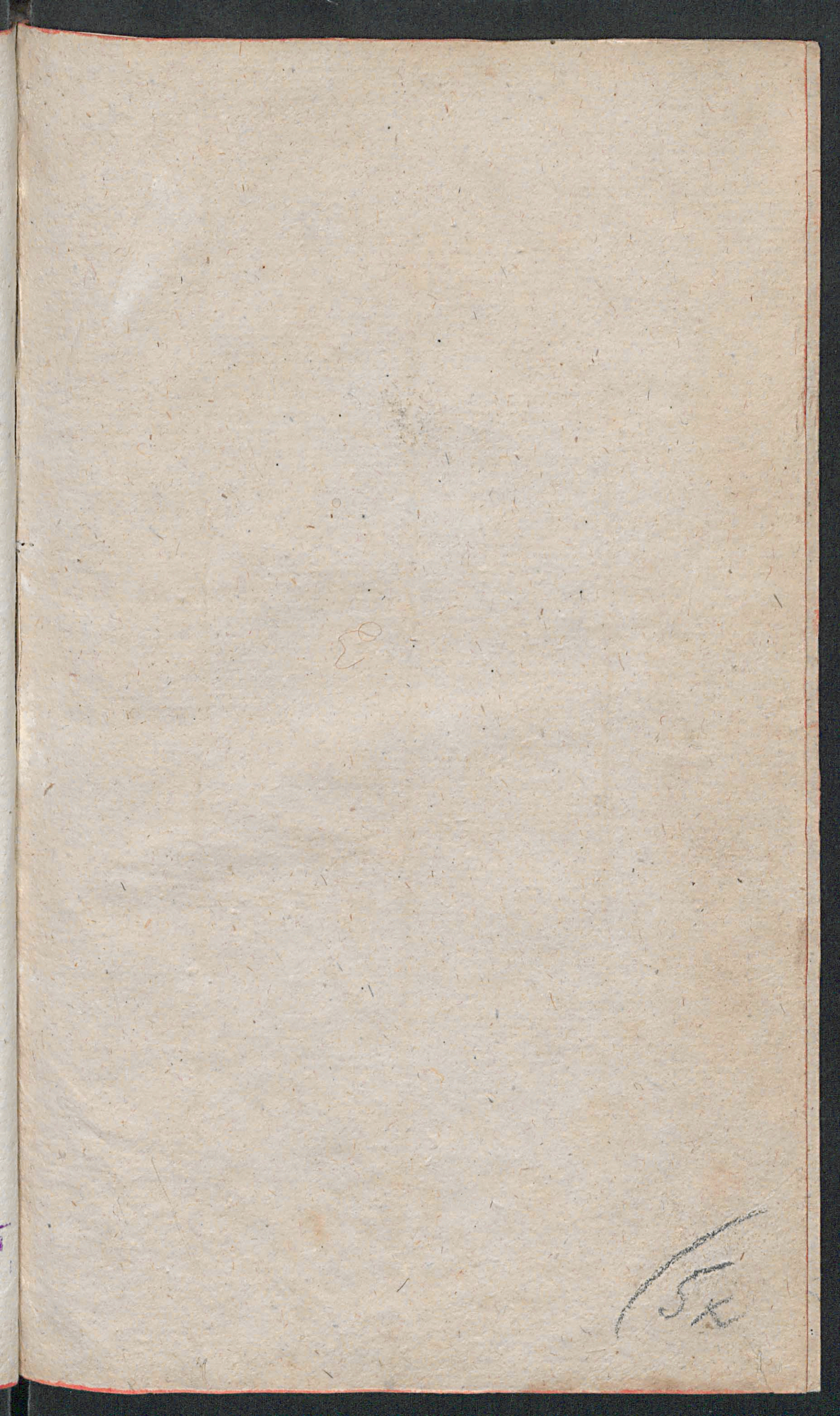
И такъ ктобъ, естьли только не совсѣмъ сдѣлался нечувствительнымъ къ настоящей и будущей своей судьбѣ, не пожелалъ охотно препровождать жизнь благочестивую, видя оную столь преизобильнымъ источникомъ блаженства? Ктобъ изъ человѣкъ, естьли только нѣсколько живо себѣ представляетъ, чѣмъ онъ теперь пребываетъ по благородному праву преимущественнаго своего рожденія и чѣмъ опредѣленъ быть по знаменитымъ учрежденіямъ Евангельскаго завѣта; ктобъ, естьли только хотя мало проницательное и дѣйствительное имѣетъ чувствіе ожидающаго его блаженства, или хотя на краткое и скоропреходящее время, которое скоро великимъ Океяномъ вѣчности поглощено быть имѣетъ, пребываетъ во исполненіи благочестія, не согласился охотно оставить всякой любимой свой порокъ, всякой грѣховной прервать узелъ, оторваться отъ всѣхъ своихъ злыхъ содружествъ, убѣгать всякаго мѣста и вся-

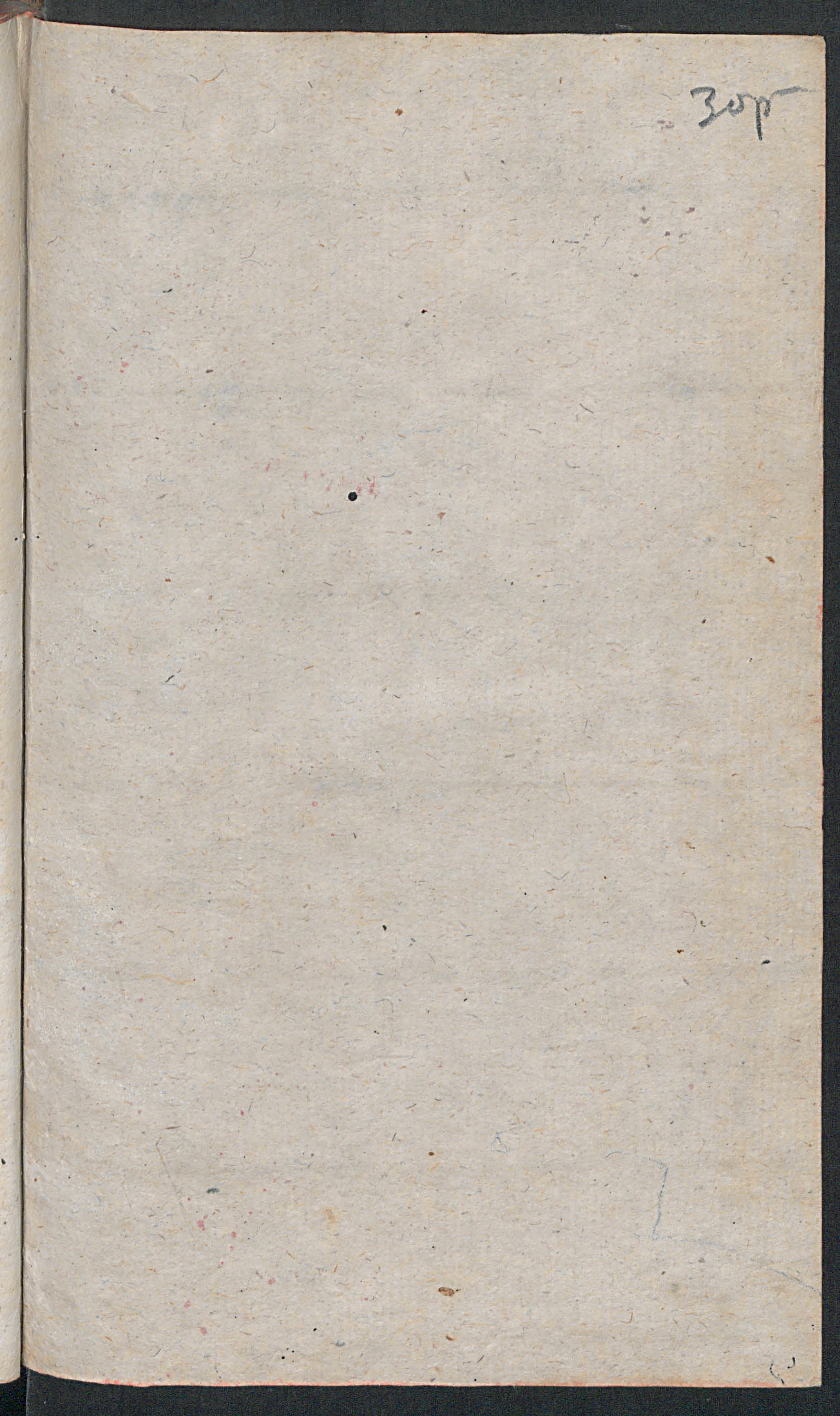
всякаго обхожденія, могущаго подвергнуть опасности его добродѣтель, развратить его сердце, прогнѣвать его Бога, затмить его вожделѣнные предметы, но напротивъ того съ воспламененнымъ добродѣтелію и Христіянскою ревностію сердцемъ, съ бодрымъ и нетерпѣливымъ стремленіемъ всегда далѣе простираться къ полученію во владѣніе знаменитаго лавра безсмертія?

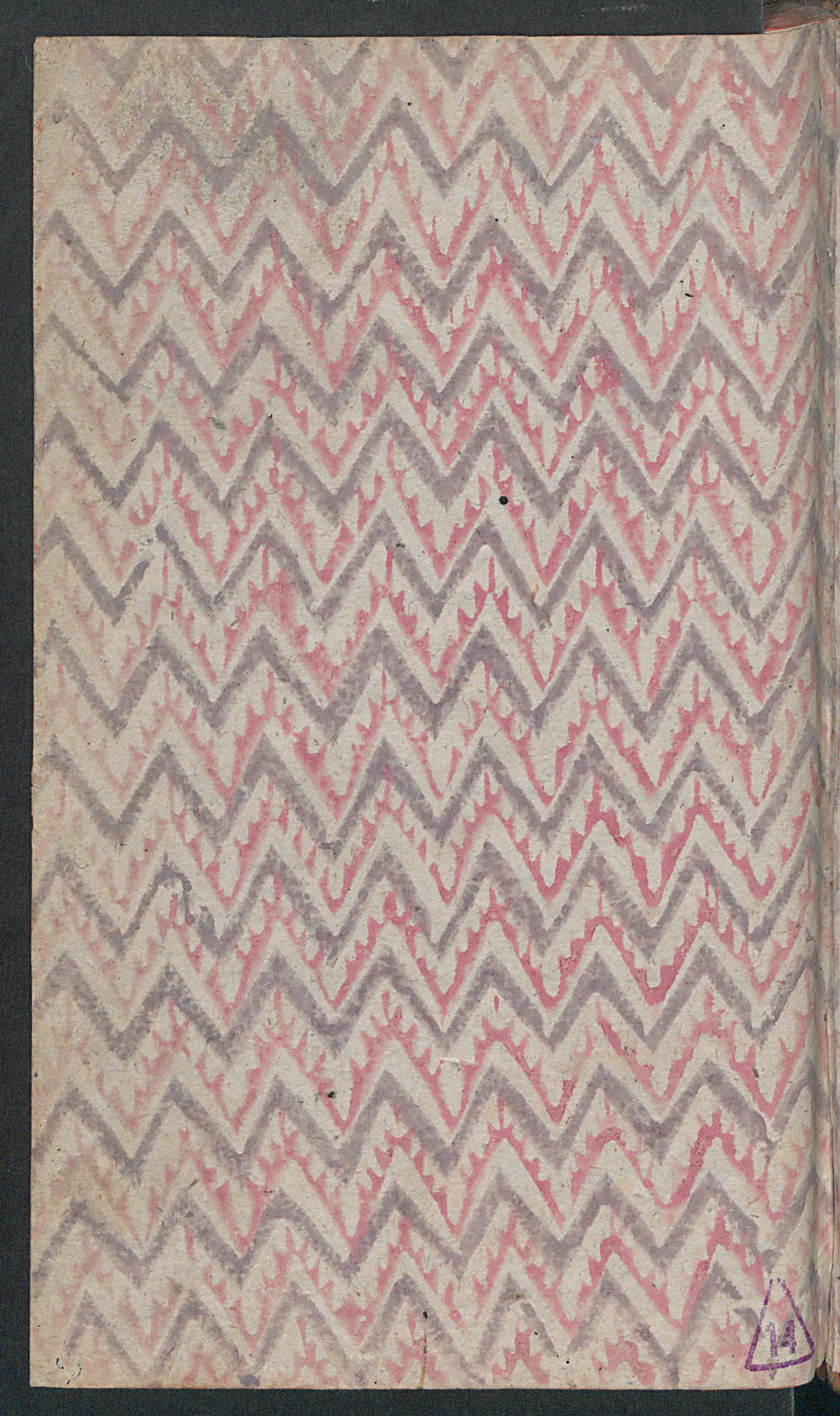

МК III-2838

14

